
КОЛЕСНЫЙ ТРАНСПОРТ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРЕИСТОРИИ

С.Ж.Пустовалов

КУРГАН «ТЯГУНОВА МОГИЛА» И ПРОБЛЕМЫ КОЛЕСНОГО ТРАНСПОРТА ЯМНО-КАТАКОМБНОЙ ЭПОХИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

S.Z.Pustovalov. The «Tjagunova Mogila» Burial Mound and the Problem of Wheeled Transport of the Pit Grave and Catacomb Cultures Epoch in the Eastern Europe.

This article is a research of the chariots of pit grave and catacomb cultures epoch of the Northern Pontic Area. The materials of Tjagunova Mogila burial mound are published. The author distinguishes battle, cargo, habitable and sacred chariots. Sacred chariots were the combination of battle chariot and supplementary axle with two wheels and couch for dead. This type of chariot was the hearse. It was the symbol of the highest military honour. There are some social aspects, reasons, ways and time of the process of sacralisation of chariots in the article.

Эта статья посвящается памяти талантливого киевского археолога, известного специалиста в области археологии эпохи бронзы и знатока колесного транспорта этой эпохи Н.Н.Чередниченко (1939-1993 гг.).

В последние годы в археологической литературе относительно большое внимание уделялось проблеме транспортных средств (ТС) эпохи бронзы по материалам степных культур Евразии (прежде всего, по материалам ямной и катакомбной общностей). Находки колес, кузовов и относительно целых экземпляров ТС породили целую серию разнообразных реконструкций, позволяющих судить о развитии техники в эпоху бронзы. Опубликованные реконструкции различны как по степени своей достоверности, так и по качеству исполнения, что требует, безусловно, критического подхода к их использованию, на что уже указывалось автором (Пустовалов 1998 а). Важным дискуссионным моментом остается проблема определения функции находимых в погребениях ТС. Какую роль выполняли они в быту: утилитарную (перевозили грузы, людей), имели боевое предназначение или сакральное? Есть ли однозначный ответ на этот вопрос или же решать его можно по-разному в зависимости от конкретной конструкции находки?

Многочисленные ТС в погребениях так называемой новотитаровской культуры (данный признак выдвигался даже в качестве культурно-отличительного) вызвали у некоторых археологов сомнение в социальной значимости повозки в погребениях ямной и катакомбной общности (Избицер 1993). Эти взгляды находят в явном противоречии с тем отношением к ко-

леснице, которое можно проследить во всех известных индоевропейских эпосах.

Все сказанное вынуждает вновь обратиться к теме ТС эпохи бронзы. В свое время погребение с ТС из кургана «Тягунова Могила» было опубликовано автором совместно с Н.Н.Чередниченко (1991). Тогда за рамками статьи осталось описание кургана, в котором была найдена колесница. Поэтому целесообразно привести материалы кургана №11 («Тягунова Могила») у с.Марьевка Запорожского р-на Запорожской обл. (рис.1).

Курган был раскопан в 1976 г. Методика раскопок и особенности фиксации материалов соответствуют тем требованиям, которые были приняты в то время в Верхнетарасовской экспедиции. Курган располагался в 1800 м к юго-западу от центра с.Марьевка. Высота кургана — 8 м, диаметр по линии север-юг — 87 м; диаметр по линии восток-запад — 74 м. Конфигурация кургана характерна для эпохи бронзы: северный склон значительно круче и короче пологого и вытянутого южного склона. Вокруг кургана проходит широкая ложбина глубиной до 1 м, шириной около 20 м. С юга и юго-запада ложбина не прослеживается. Под насыпью кургана было обнаружено 32 погребения эпохи бронзы: 18 погребений ямных, 8 — совершенных в катакомбах, 1 — неопределенное, 3 — культуры многоваликовой керамики (КМК), 2 — срубных, 1 — современное.

Стратиграфия кургана

Насыпь кургана была сооружена в семь приемов (рис.2, 3). В южной части кургана были сделаны также 4 локальные досыпки. Первичная насыпь диаметром 16,5 м, высотой по линии север-юг была насыпана над погребением 13. В южной части этого кургана было впу-

щено погребение 11. После этого курган был досыпан и приобрел диаметр 23 м. С поверхности второй насыпи было впущено погребение 21. Третья насыпь связана с этим погребением. При совершении погребения 23 была скрыта южная пола предшествующего кургана.

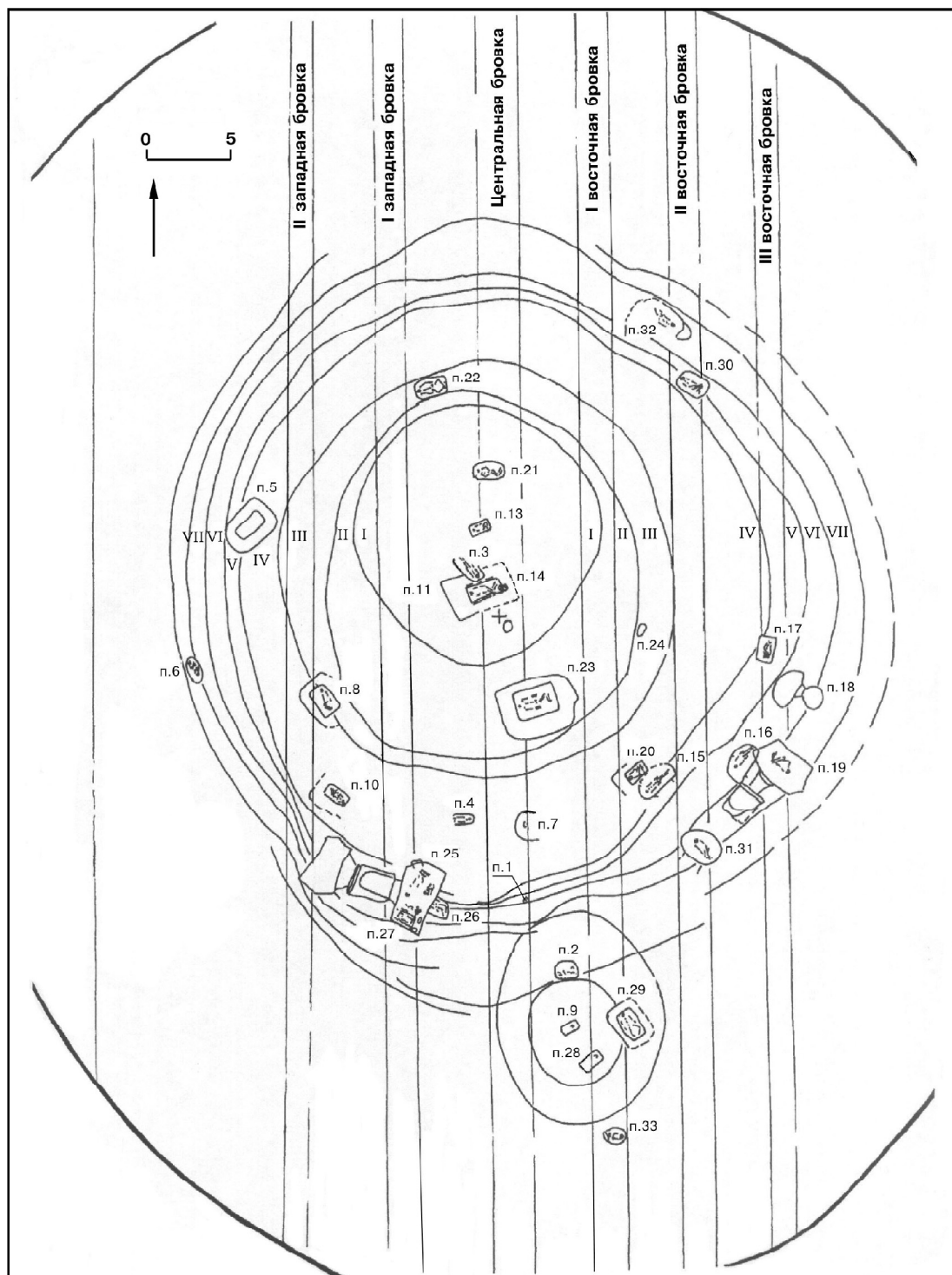

Рис. 1. Общий план кургана №11 у с. Марьевка.

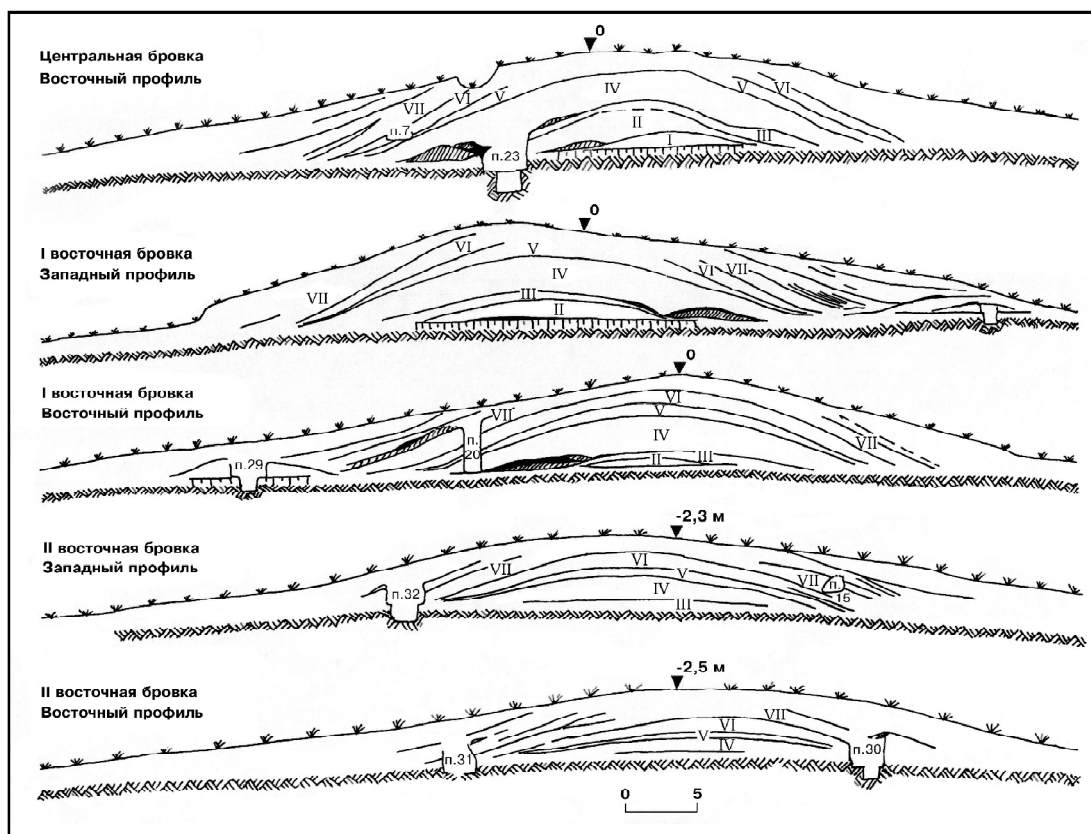

Рис. 2. Профили бровок кургана №11. Восточные бровки.

В результате выкид из этого погребения имел ширину до 12 м. Над погребением 23 была сделана досыпка мощностью до 2,6 м. В этот курган было впущено погребение 22. После этого курган был вновь досыпан. Шестая насыпь связывается с погребением 8. Седьмая насыпь связана с погребением 17. Погребения 30 и 32 впущены с уровня этой насыпи и либо не имели, либо имели незначительные досыпки. Если досыпка над п.30 и п.32 имела не локальный характер (не была возведена только в северной части кургана), а перекрывала и южный склон (восточный профиль I восточной бровки, последняя досыпка), то она оказывается последней и перекрывает досыпку над п.27 (I западная бровка, западный профиль) (рис.3).

Над погребением 10 была совершена небольшая досыпка. Погребение 10 было впуще-

но с уровня седьмой насыпи. Досыпка погребения 10 перекрывает досыпку над погребением 25 и, следовательно, более поздняя. Досыпка погребения 10 перекрывает досыпка, сооруженная над погребением 20. Позже всех была сделана досыпка над катакомбным погребением 27. Досыпка над погребением 20 перекрыла небольшой курган, располагавшийся к юго-востоку от кургана 11 (в отчете он получил название «к. 11А»).

Для этого кургана основным являлось детское погребение 9. Потом было впущено погребение 28, после чего курган был досыпан, и затем впущено погребение 29. С седьмой насыпью, возможно, связывается погребение 5. После сделанных досыпок курган за время существования оплыл и приобрел современную форму.

Описание структуры насыпи

Первичная насыпь 1 — очень плотный грунт серо-коричневого цвета с железистыми вкраплениями.

Насыпь 2 — более темный, чем цвет 1 насыпи, гумус со слоем затоптанности по поверхности насыпи.

Насыпь 3 — коричневый гумус с мощным слоем затоптанности до 0,05-0,10 м толщиной.

Насыпь 4 — темно-коричневый гумус с вкраплениями суглинка, достаточно рыхлый,

комковатый.

Насыпь 5 — темно коричневый однородный гумус.

Насыпь 6 — гумус со значительным количеством суглинка.

Насыпь 7 — суглинкавая с небольшим количеством гумуса.

Досыпка над погребением 25 — суглинок и гумус с преобладанием гумуса.

Досыпка над погребением 10 — также гу-

мус с суглинком, плотный.

Досыпка над погребением 20 имела сложный состав. Преимущественно состоит из суглинка с небольшими включениями гумуса, вся досыпка разделена слоями затеков серого цвета.

Досыпка над погребением 27 состояла из суглинка очень плотного, с небольшими включениями гумуса. Насыпь кургана 11А состояла

из гумуса, и ее слои были видны только по выкидам из погребений. На погребенном черноземе около основного погребения 13, в профиле бровки, были обнаружены следы кострища шириной около 0,3 м. В восточной поле первичной насыпи также были прослежены остатки кострища диаметром 0,35 м. В целом, при снятии насыпи кургана были обнаружены много-

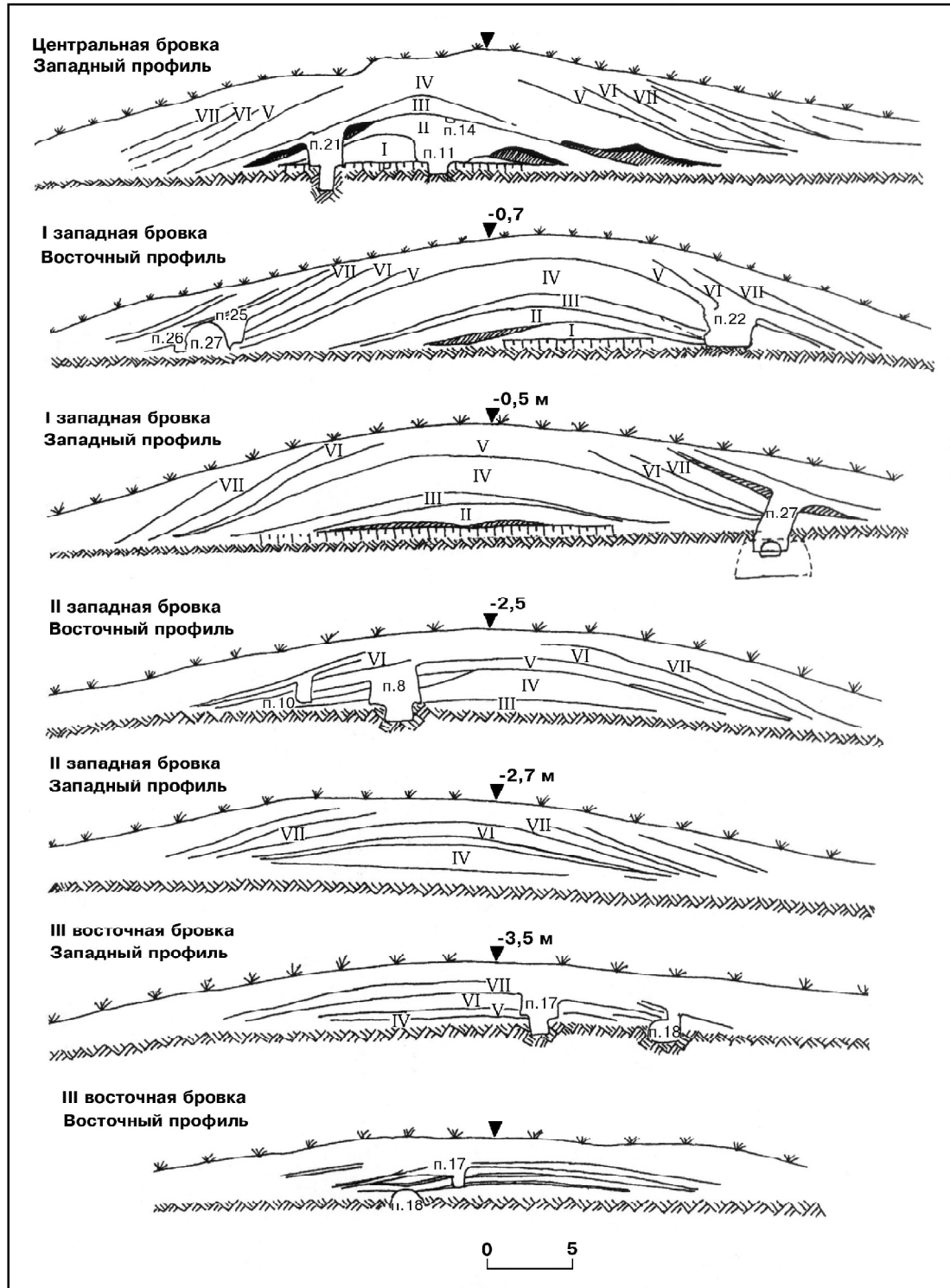
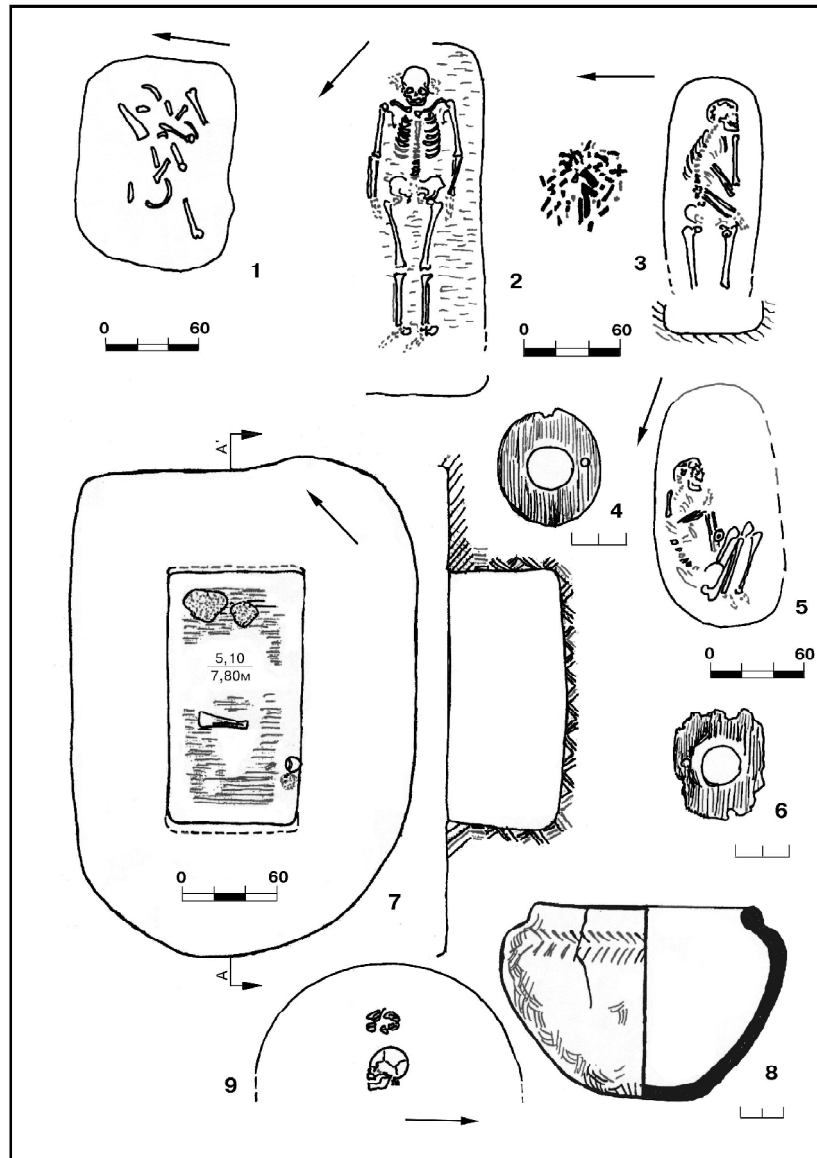

Рис. 3. Профили бровок кургана №11. Западные бровки и III восточная бровка.

Рис. 4. Материалы погребений. 1 — п. 2; 2 — п. 3; 3-4 — п. 4; 5-6 — п. 6; 7-8 — п. 5; 9 — п. 7.

численные фрагменты керамики размером до 2 см, осколки камней, отдельные человеческие кости и кости животных. Ориентировка, форма погребального сооружения, положение скелета в описаниях не приводятся. Эти данные приведены в иллюстрациях.

Погребение 1 (впускное с поверхности кургана, неопределенное). Находилось в 17,5 м к югу от «0». Располагалось в насыпи и было разрушено бульдозером. Скелет, видимо, был ориентирован по линии В-3, глубина дна — 4,55 м от «0» и 1,55 м от поверхности кургана (рис.1).

Погребение 2 (впускное с поверхности кургана, срубное). Находилось в 25,5 м к югу от «0». Могильная яма была размерами 1,35 × 1,0 м, глубиной дна — 0,65 м от поверхности и 4,25 м от «0». В заполнении ямы — остатки трупосожжения. Кремация совершена на стороне, так как в могиле перемешаны кальцинированные кости, зола, комок прокаленной земли. На дне могильной ямы следов прокала не обнаружено

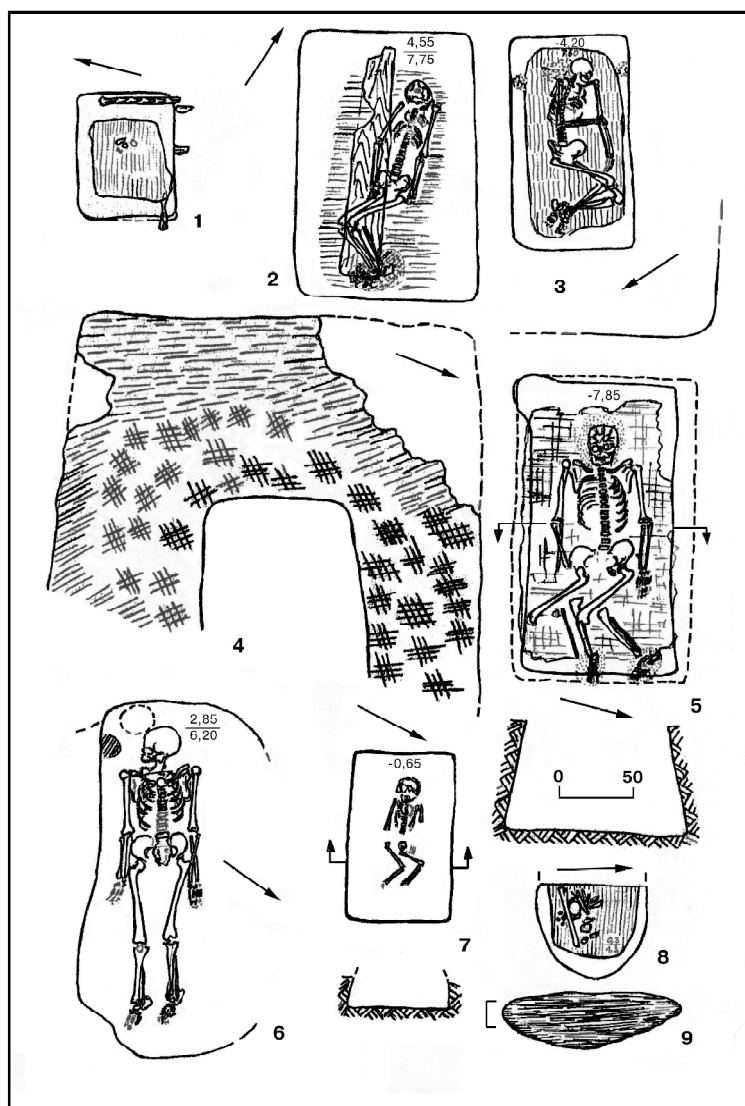
(рис.4, 1).

Погребение 3 (катакомбное, впускное с поверхности кургана). Находилось в 2,5 м к С-3 от «0». Могильное сооружение прослежено нечетко. Сохранилась на небольшую высоту стенка и часть дна. На дне, на глубине 2,56 м от «0», лежал скелет. Под погребением находился слой травы, под которым шла подстилка из охры. Особенно мощный ее слой лежал под головой и у левого плеча. Возраст погребенного — 16-20 лет (рис.4, 2).

Погребение 4 (впускное с поверхности кургана, КМК). Находилось в 12,5 м к Ю — ЮЗ от «0». Погребальное сооружение прослежено слабо. Это была, вероятно, яма. На глубине 1,75 м от поверхности и 3,75 м от «0» находились остатки кострища диаметром 0,5 м, мощностью до 0,05 м. Под ним, на глубине 2,10 м от поверхности и 4,10 м от «0», в яме шириной 0,6 м, лежал скелет. Туловище и голова казались повернутыми на левый бок, а ноги вытянуты. У

Рис. 5. Материалы погребений.

1 — п. 9; 2 — п. 8; 3 — п. 10;
4 — п. 11; 5 — п. 15; 6 — п. 13;
7 — п. 14; 8 — п. 14; 9 — п. 19.

левой бедренной кости находилась костяная пряжка размерами $4,5 \times 4,0$ см с двумя отверстиями. Поверхность заполирована и слегка изогнута (рис.4, 3, 4).

Погребение 5 (ямный кенотаф, впускное погребение с уровня 6 насыпи). Располагалось в СЗ части кургана, в 15,7 м от «0». Заплечики — размерами $3,15 \times 2,25$ м, глубиной уступа от «0» — 7,0 м и в 4,3 м от поверхности. Могильная яма размерами $1,65 \times 0,8$ м, глубиной дна от заплечиков 0,8 м от «0» — 7,8 м. В заполнении камеры выше дна на 0,75 м по центру ямы находилась лопатка быка. На дне находилась подстилка из коры, лежавшая волокнами поперек могилы. Под ЮВ стенкой — сосуд; рядом — пятно малиновой охры и небольшая рыхлая кость животного. Пятна охры есть и в СВ части ямы (рис.4, -7, 8).

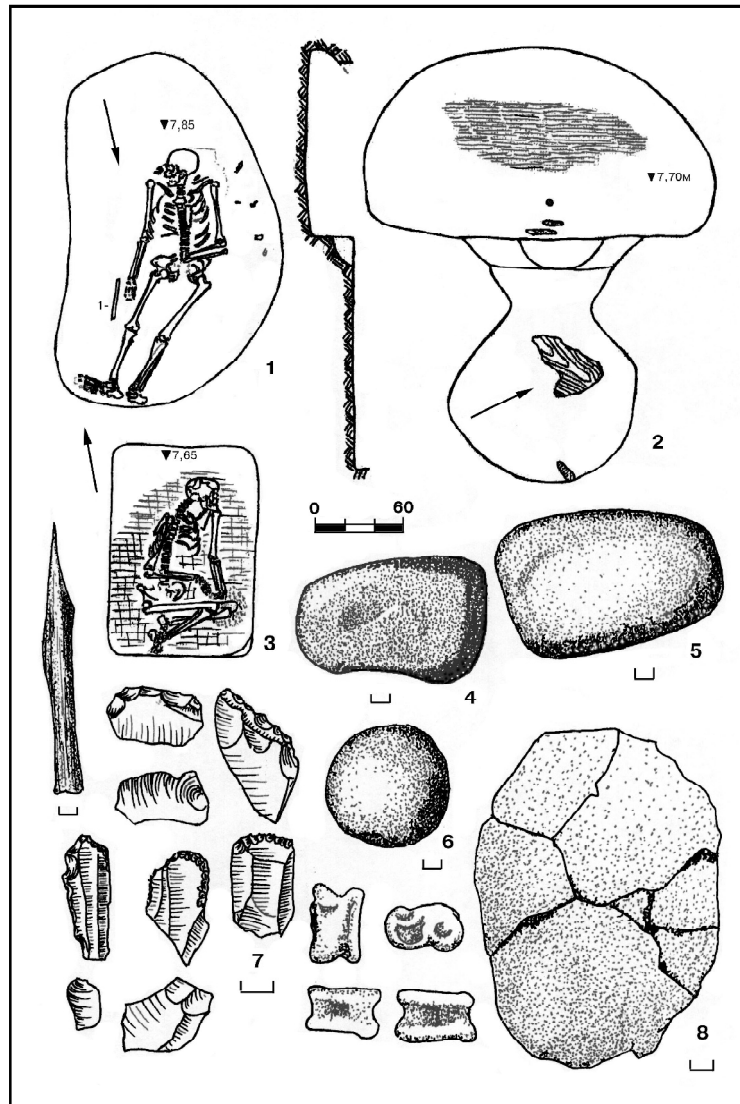
Погребение 6 (КМК, впускное с поверхности кургана). Погребение находилось на расстоянии 18,7 м к З от «0». Погребальное сооружение прослежено в придонной части; яма

размерами $1,55 \times 0,8$ м. Глубина дна ямы — 7,5 м от «0», 1,2 м от поверхности. В области живота находилась костяная пряжка размерами $4,5 \times 3,8$ см с 2 отверстиями. Диаметр большого — 1,6 см, малого — 0,3 см. По краю большого отверстия шел бортик высотой 0,2 см. Пряжка слегка изогнута, поверхность заполирована (рис.4, 5, 6).

Погребение 7 (катакомбное, впущено с поверхности). Находилось в 12 м к Ю от «0». Почти полностью разрушено. Сохранилась лишь часть камеры. Ширина ее — 1,7 м, глубина дна 3,40 м от поверхности, глубина — 5,65 м от «0». Входная яма, скорее всего, была с юга. За головой погребенного находились остатки деревянного сосуда размерами $0,2 \times 0,2$ м (рис.4, 9).

Погребение 8 (ямное, перекрыто шестой насыпью). Находилось в 11,5 м к ЮЗ от «0». Могильное сооружение — яма с заплечиками. Глубина уступа — 6,8 м от «0» и 3,6 м от поверхности. Камера размерами $1,9 \times 1,25$ м, глуби-

Рис. 6. Материалы погребений. 1, 7 — п. 16; 2 — п. 18; 3 — п. 17; 4 — п. 26; 5 — п. 32; 6 — п. 19; 8 — п. 19.

ной от заплечиков — 0,95 м, 7,75 м — от «0». Перекрытие состояло из мощных плах, расположенных по длинной оси камеры. Поверх плах лежал слой камышового тлена. На дне, на растительной подстилке, по диагонали камеры, лежал скелет мужчины. Ступни ног окрашены охрой. Вещей нет (рис.5, 2).

Погребение 9 (ямное, основное кургана 11А). Располагалось в 21,7 м к Ю — ЮВ от «0». Яма размерами 0,85 × 0,68 м, глубиной 0,9 м от погребенной почвы, 7,8 м от «0». На дне, на деревянной подстилке — остатки черепа. Погребенный был, видимо, младенец (рис.5, 1).

Погребение 10 (ямное, впущено с уровня шестой насыпи). Находилось в 14,4 м к ЮЗ от «0». Глубина уступа 6,8 м от «0», 3,4 м от поверхности. Перекрытие — деревянные плахи — располагались продольно по отношению к камере. Могильная камера имела размеры 1,5 м × 0,85 м, глубина дна 7,6 м от «0» и 0,8 м от заплечиков. Скелет женский. Под костяком — остатки растительной подстилки. Справа и слева от головы —

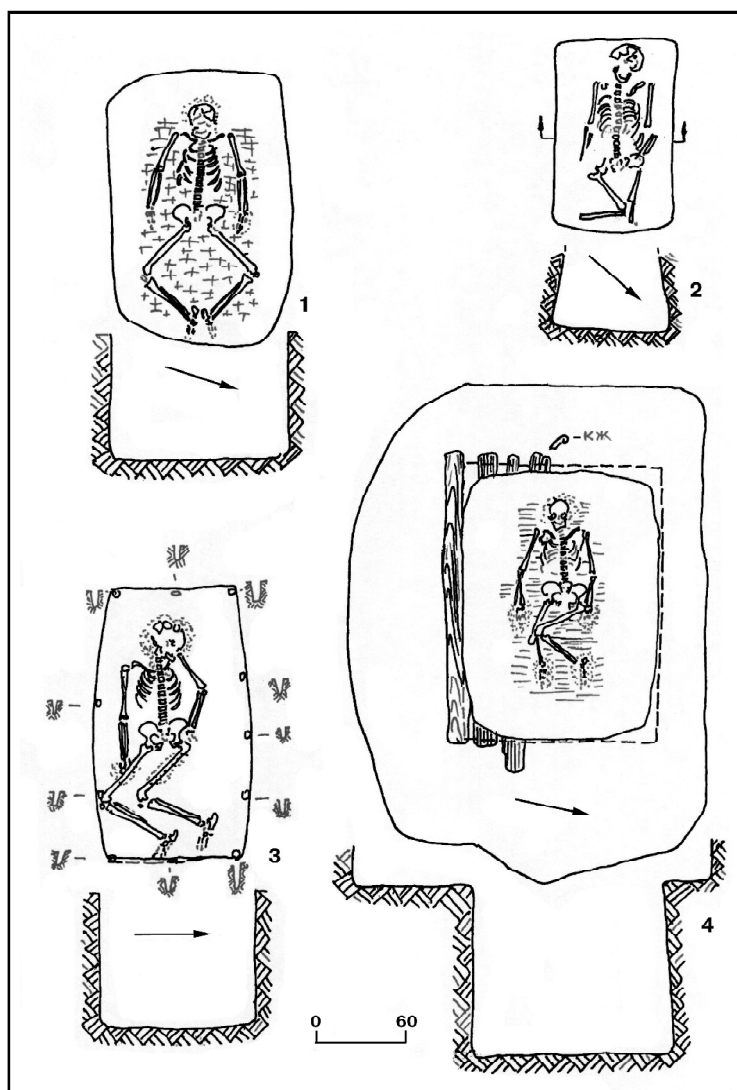
по пятну охры. Вещей нет (рис.5, 3).

Погребение 11 (ямное, впущенное в первую насыпь). Располагалось в 1,5 м к С от «0». Впущено в первую насыпь. Заплечики располагались на погребенном черноземе и были размерами 4,2 × 3,0 м. На заплечиках прослежен камышовый тлен, лежавший по краям в один слой, а ближе к центру — крест-накрест. Глубина уступа от «0» — 6,65 м. Могильная яма размерами 2,15 × 1,25 м, глубина дна от уступа — 0,75 м и 7,40 м от «0». Камера была перекрыта жердями и камышом. Жерди располагались в беспорядке. На дне, на камышовой циновке, лежал скелет мужчины. Голова и ступни ног посыпаны охрой. Вещей нет (рис.5, 4, 5).

Погребение 12. Оказалось современным.

Погребение 13 (ямное, основное). Располагалось в 5,3 м к С от «0». Яма размерами 1,15 × 0,70 м, глубиной 0,65 м от погребенного чернозема. На дне лежал скелет ребенка 6-8 лет. У южной стенки ямы лежала створка раковины *Unio* (рис.5, 7).

Рис. 7. Материалы погребений.
1 — п. 22; 2 — п. 20; 3 — п. 21;
4 — п. 23.

Погребение 14 (ямное, впущено во вторую насыпь). Находилось в 1,5 м к СЗ от «0». Яма была перекрыта плитой из гранита размерами 0,65 × 0,25 × 0,10 м и несколькими мелкими камнями. Могильная яма шириной 0,7 м. Глубина от поверхности насыпи — 0,3 м, от «0» — 4,3 м. На дне на растительной подстилке — отдельные кости ног и позвонки. Видимо, перезахоронение. Вещей нет (рис.5, 8).

Погребение 15 (катакомбное, впущено с поверхности). Располагалось в 13 м к ЮВ от «0». Погребальное сооружение — катакомба. Камера перерезала погребение 20. Размеры камеры 2,5 × 1,4 м. Глубина дна — 2,85 м от поверхности и 6,2 м от «0». На дне лежал скелет. За головой — остатки необожженного горшка, перед лицом — пятно охры. У левой лопатки лежал астрагал. У кисти правой руки лежал отщеп кремня (рис.5, 6).

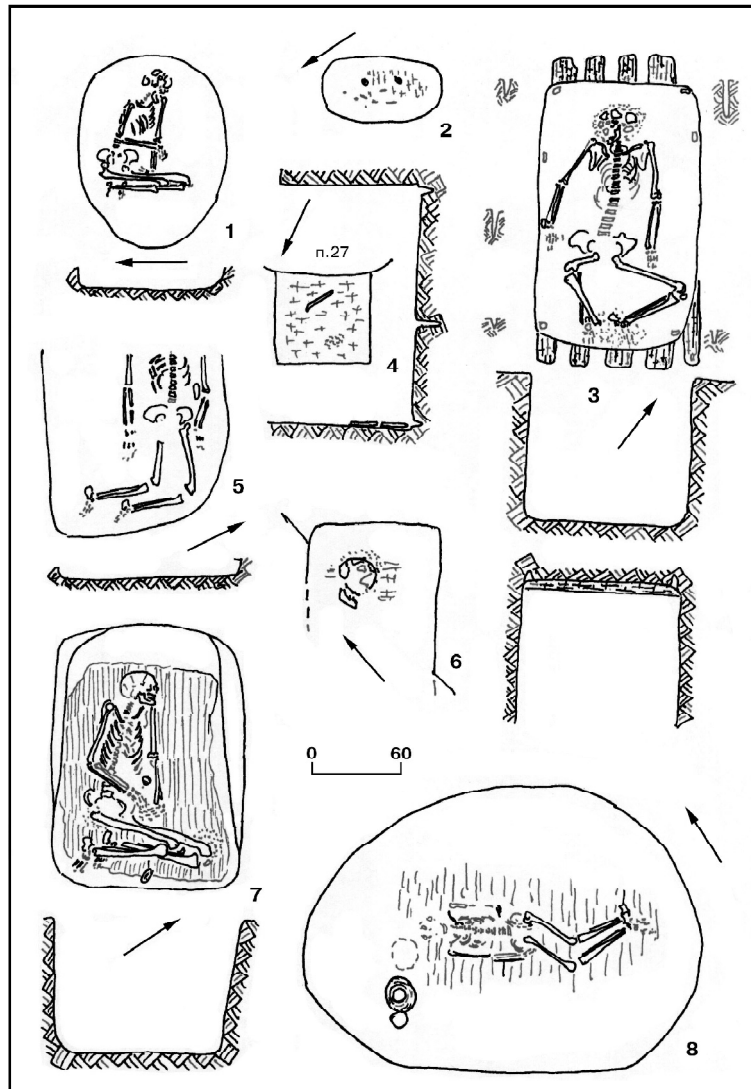
Погребение 16 (катакомбное, впущено с поверхности). Располагалось в 16,5 м к ЮВ от «0». Входная яма не прослежена. Камера размерами 2,5 × 1,4 м, глубина — 7,85 м от «0». На дне

лежал скелет мужчины (пожилого возраста). Под погребенным — темный тлен. Поверх него, у головы — подсыпка охры. У лица — 2 отщепа кремня. У левой ключицы — костяная проколка размерами 11,0 × 2,5 см. Конец заполирован. Там же небольшой отщеп кремня. За головой у дальней стенки лежал скребок из темно-серого кремня размерами 5,5 × 2,0 см. Здесь же находилось 2 астрагала барана. У дальней стенки, ближе к северу — еще 5 отщепов кремня (рис.6, 1, 7).

Погребение 17 (ямное, впускное с уровня шестой насыпи). Располагалось в 16 м к В от «0». Заплечики шириной 3,2 см располагались на глубине 6,7 м от «0». Могильная яма размерами 1,45 × 1,0 м, глубиной дна — 0,95 м от заплечиков. На дне, на растительной подстилке с небольшой подушкой под головой, лежал скелет взрослого человека. Вещей нет (рис.6, 3).

Погребение 18 (катакомбное, кенотаф, впускное, впущено с поверхности). Располагалось в 17 м В — ЮВ от «0». Входная яма диаметром 1,3 м, глубиной 7,4 м от «0». В СЗ части — вход

Рис. 8. Материалы погребений.
 1 — п. 33; 2 — п. 24; 3 — п. 29;
 4 — п. 25; 5 — п. 26; 6 — п. 28;
 7 — п. 30; 8 — п. 31.

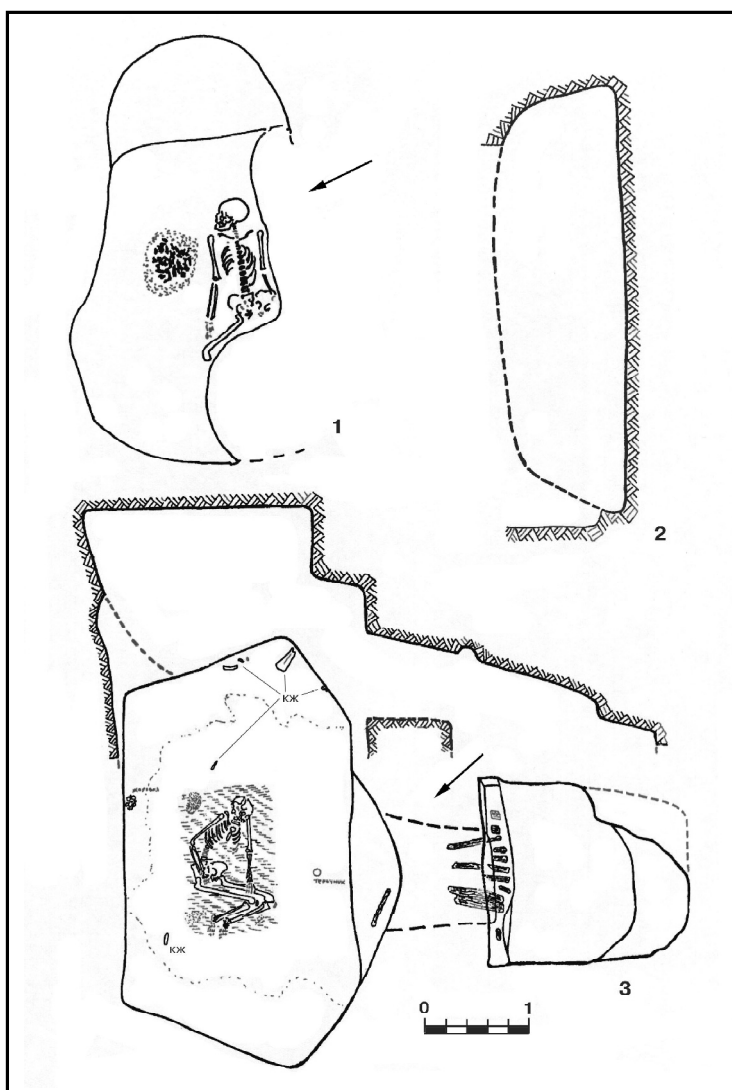
в камеру шириной 0,55 м. Дромос длиной 0,5 м, расширяется у камеры до 1,3 м. Камера ниже входной ямы на 0,3 м, размерами 2,4 × 1,3 м. На дне — тлен древесной (?) подстилки и кусок охры. У входа в камеру отдельные плашки дерева. Во входной яме у входа в камеру — широкая плаха 0,5 м длиной, у восточной стенки — валик охры (рис. 6, 2).

Погребение 19 (катакомбное, впущено с поверхности). Располагалось в ЮВ части кургана, в 17,5 м от «0». Погребальное сооружение — катакомба. Входная яма, имевшая в насыпи прямоугольную форму, на уровне зачистки в юго-западной части имела ступеньки. В юго-западной части ямы находилась еще одна ступенька шириной 0,55 м. Размеры входной ямы — 2,0 × 1,8 м. Дно ямы резко понижается ко входу в камеру до глубины 8,55 м от «0» и 4,20 м от поверхности. Перед входом, под всей северо-восточной стенкой, вырыт ровик шириной 0,2 м, глубиной 0,1 м. В ровике прослежены остатки деревянного заслона из тонких плашек, стоявших вертикально и завалившихся в дромос. Вход

в дромос овальный, размеры: 0,9 м ширина, 0,7 м высота. Дромос понижается к камере на 0,2 м, его длина — 0,8 м. У камеры он имеет ширину 1,15 м, высоту — 0,85 м. В прилегающей к дромосу стенке камеры вырублена ступенька высотой от дромоса 0,45 м, шириной 0,5 м. Ступенька имеет сегментовидную в плане форму. Дно камеры находилось на глубине 9,95 м от «0» и 5,75 м от поверхности кургана. Камера имела размеры: 4,15 × 2,2 м. Высота сохранившейся части свода — до 0,8 м. Общая высота свода была около 1,8 м. По всему дну камеры шел слой древесных углей и пережженной земли, особенно интенсивно в центральной части.

На дне, на подстилке из коры, лежал скелет. За головой и у ног находились пятна охры, между скелетом и входом, на дне, лежал терочник из гранита округлой формы с двумя уплощенными поверхностями, диаметр — 8 см, толщина — 4,3 см. Поверхность, прилегающая ко дну, покрыта слоем мела. Скелет также посыпан мелом у головы и колен. У ступней ног лежало костяное изделие, имеющее сегментовидную фор-

Рис. 9. Материалы погребений.
1 — п. 32; 2-3 — п. 19.

му размерами 7,0 × 2,3 см (рис.5, 9). У дальней от входа стенки, сложенные кучкой, лежали фрагменты горшка со шнуровым орнаментом в виде свисающих треугольников, заполненных косыми отпечатками шнура. Фрагменты сильно ошлакованы (рис.6, 8). В ЮВ части камеры лежали обломки лопатки быка и другие мелкие кости животных (рис.9, 2, 3; 6, 6).

Погребение 20 (ямное, впущено с уровня досыпки погребения 10). Располагалось в 12,2 м к ЮВ от «0». Погребальное сооружение — яма с заплечиками. Заплечики сохранились в профиле 1 восточной бровки. Глубина уступа от «0» — 6,8 м. Могильная яма была размерами 1,3 × 0,8 м. Глубина дна — 7,8 м от «0». На дне лежал скелет взрослого человека. Скелет был густо посыпан охрой. Вещей нет (рис.7, 2).

Погребение 21 (ямное, впущено с поверхности второй насыпи). Располагалось в 8,7 м к С от «0». Погребальное сооружение — яма с заплечиками. Их ширина — 2,2 м. Могильная яма размерами 1,8 × 1,0 м, глубина дна — 8,0 м от «0». Глубина уступа 7,0 м. В дне ямы, под стен-

ками, по ее периметру, располагались 11 ямок глубиной от 8 до 18 см, в которых сохранились остатки столбиков. Максимальная высота сохранившегося столбика — 0,42 см. На дне лежал скелет мужчины. Под скелетом прослежена растительная подстилка. Череп и бедренные кости окрашены охрой. Вещей нет (рис.7, 3).

Погребение 22 (ямное, впущено с поверхности четвертой насыпи). Располагалось в 14,2 м к С-З от «0». Погребальное сооружение — яма с заплечиками. Могильная яма размерами 1,8 × 1,2 м, глубиной 1,0 м от уступа, 8,2 м от «0». Перекрыта деревянными плахами. На дне, на растительной циновке, на спине, лежал скелет мужчины. В области груди обнаружен небольшой кремневый наконечник стрелы с выемчатым основанием. Отводы симметричные. Один отвод обломан в древности; размеры 1,5 × 0,8 см. Голова и кисти рук покрыты охрой (рис.7, 1).

Погребение 23 (ямное, впущено с поверхности третьей насыпи). Располагалось в 4,5 м к Ю от «0». Погребальное сооружение — яма с зап-

лечиками. Заплечики углублены в материк на 0,4 — 0,5 м, размерами 5,2 × 3,4 м. Могильная яма размерами 2,60 × 1,95 м, глубина дна 1,65 м от уступа и 9,33 м от «0». Перекрытие состояло из мощных бревен. На дне лежал скелет мужчины ростом около 2 м. В теменной части черепа находилось отверстие. Руки вытянуты вдоль тела. Под погребенным прослежена растительная (камыш) подстилка, под которой находилась меловая подсыпка. Голова и конечности густо окрашены охрой (рис.7, 4).

Погребение 24 (ямное, впускное, возможно, в первую или вторую насыпи). Находилось в 8,5 м к В от «0». Могильная яма сохранилась в придонной части и имела размеры 0,8 × 0,45 м, глубина — 7,25 м от «0». На дне лежал скелет ребенка, совершенно истлевший. В центре ямы обнаружено 2 кусочка охры (рис.8, 2).

Погребение 25 (ямное, впущено с уровня седьмой насыпи). Находилось в 16 м к Ю — ЮЗ от «0». Погребальное сооружение — яма с заплечиками, которая обвалилась в камеру погребения 27 и частично разрушена бульдозером. Ширина могильной ямы — 0,65 м. Глубина дна — 7,3 м от «0». Глубина от заплечиков — 0,7 м. По дну шла растительная подстилка и охра. Погребенный, вероятно, взрослый, лежал головой, видимо, на ЮВ (рис.8, 4).

Погребение 26 (КМК). Находилось в 17,5 м к Ю — ЮЗ от «0». Погребение частично осело в камеру погребения 27. Погребальное сооружение — подбой или катакомба. Камера прослежена в придонной части, имеет размеры 1,25 × 1,2 м, глубина дна — 7,2 м от «0». Скелет пожилого человека лежал на спине. У локтя левой руки — терочник из змеевика размерами 12,0 × 6,5 × 5,5 см. Под скелетом прослежена растительная подстилка (рис.8, 5; 6, 4).

Погребение 27 (катакомбное, впущено с уровня досыпки над погр.20). Находилось в 17,2 м к ЮЗ от «0». Погребальное сооружение — катакомба с двумя камерами (рис.10, 1). Входная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,45 × 2,0 м, с глубиной дна 8,35 м от «0», 4,4 м от уровня впуска. Была ориентирована по линии В — ЮВ — З — СЗ. В восточной части располагался наклонный пандус длиной 1,8 м, шириной 1,2 м, глубиной от дна входной ямы — 0,45 м. В западной части камеры у стенки вырыт неглубокий (0,1 м) ровик для заслона шириной 0,1 — 0,15 м, глубиной 0,2 — 0,15 м. В ровике встречалось дерево от заслона в виде уплощенных плашек шириной 0,06 м, высотой до 0,3 м. Вход был прикрыт глиняной заглушкой. В западной и восточной стенках входной ямы находились входы в камеру. Вход 1 находился в восточной стенке, ширина — 1,3 м, высота — 1-1,10 м. Форма арочная. Вход 2 имел овальную форму, размеры: ширина — 1,35 м, высота — 0,75 м. В камеру 1 вел дромос длиной 0,8 м. Ширина у камеры — 1,55 м. Камера ниже дромоса на 1,10 м. Прилегающая ко вхо-

ду стенка камеры вогнута вовнутрь. Северная стенка имеет небольшой угол посередине. Размеры камеры: 4,20 × 2,30 м. Высота сохранившихся стенок: у западной — 1,2 м, у северной — 1,25 м. Свод камеры, судя по сохранившейся северной части камеры, был плоским до 2,2 м высотой. Погребальное сооружение было вырублено орудием типа кирки с шириной лезвия 0,06 м. Стенки камеры местами покрыты солями белого цвета. В камере погребено 4 человека. В северо-западной части лежал скелет мужчины (35 — 40 лет). У ног погребенного находились три астрагала. Кости скелета несколько потревожены: череп скатился к левому плечу, левая ключица находится на груди. Под головой погребенного — растительная подстилка толщиной 2,5 см. Под погребенным прослежена растительная подстилка, под которой находилась интенсивная меловая подсыпка. У восточной стенки кучкой лежали кости двух скелетов. Они были уложены в следующем порядке: наиболее северными были бедренные, берцовые и плечевые кости, внизу под ними и в центре лежали локтевые и лучевые, там же находились тазовые и ребра, с востока лежали кости запястий, кистей, плюсны и предплюсны, коленные чашечки. С юга лежали верху основными отверстиями два черепа. На них были положены нижние челюсти. Ближний к стенке череп принадлежал женщине 45 — 50 лет, другой — мужчине 30 — 35 лет¹. На некоторых костях таза и под костями встречались пятна охры. Под погребенными находилась растительная подстилка, под которой шла интенсивная меловая подсыпка. В центре камеры лежал скелет подростка. В отчете сказано, что голова, в результате обвала, откатилась ко входу. Это первоначальное предположение опровергается тем, что сам череп стоял на нижней челюсти и находился в мягких слоях затека из шахты. Обвал свода перекрыл затек и не мог быть причиной смещения черепа. Погребенный лежал на растительной подстилке. У ног и рук — пятна фиолетовой охры. В южной части камеры находились остатки колесницы (рис.10, 3). У восточной стенки вертикально стояло сплошное деревянное колесо диаметром 0,60 м. В центре колеса выступала деревянная ступица диаметром 0,1 м. В юго-восточном углу находились обломки второго колеса, лежавшего горизонтально. Ближе к центру находились остатки дна кузова в виде цельной плахи, выдолбленной наподобие корыта, размерами 1,20 × 0,75 м, высотой 0,15 см. Борта колесницы в результате обвала отвалились наружу. Под кузовом лежала ось длиной 1,15 м, шириной 0,06 м. С юго-восточной стороны за кузовом находились 3 длинные плашки: 1 — у кузова, была длиной 0,6 м, толщиной 0,04 м; 2 — 0,55 м, тол-

¹ Определение пола погребенных было проведено Р.А.Старовойтовой и С.И.Круц.

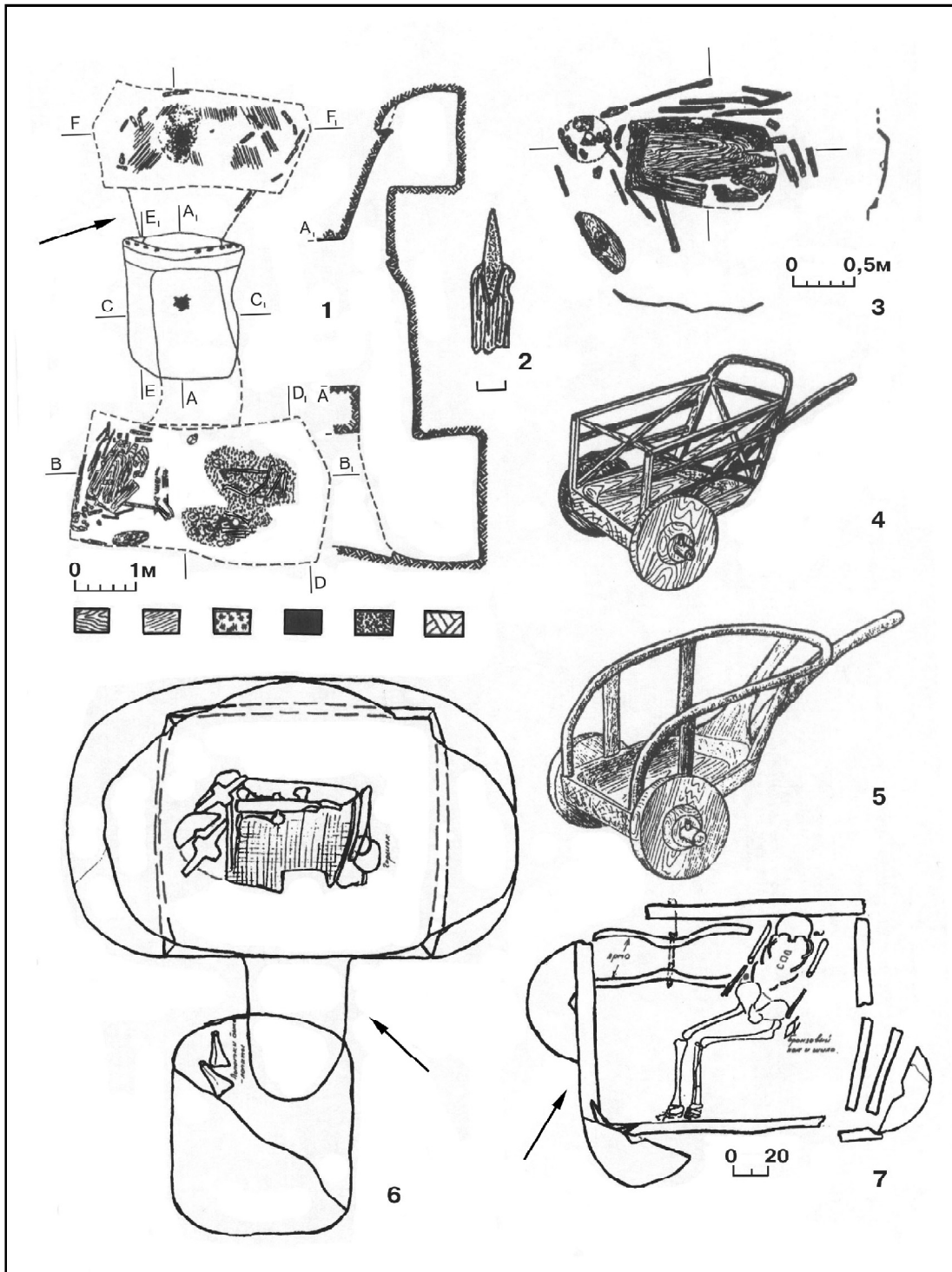

Рис.10. 1 — п. 27; (1 — дерево; 2 — камка; 3 — погребальное ложе; 4 — прокаленный грунт; 5 — угли; 6 — материк); 2 — бронзовое острие и часть древка стрекала; 3 — план колесницы; 4 — 5 — варианты реконструкции колесницы; 6 — план погребения 23, к.2 ЮГОК, р-н Окисленных отвалов (раскопки Л.П.Крыловой); 7 — план расположения погребенного в повозке п.23, к.2. ЮГОКа.

шиной 0,03-0,04 м; 3 — у самой стенки, длиной 0,75 м, шириной 0,03 м. Тут же находилась часть дышла размерами 0,95х0,06 м. У северо-восточной стенки — три планки: 1 — размерами 0,3 × 0,06 м; 2 — 0,35 × 0,06 м; 3 — 0,25 × 0,04 м. У западного угла — планка длиной 0,4 м, шириной 0,04 м и севернее — еще одна с разме-

рами: 0,3 × 0,03 м. В юго-западном углу лежало бронзовое стрекало с остатками деревянной ручки: длина стрекала — 1,1 см, длина древка — 2,5 см, толщина рукояти — 1,8 см, сечение круглое (рис.10, 2).

Вторая камера. В нее вел дромос длиной 1,10 м, ширина камеры — 1,7 м. Камера ниже

дромоса на 1,20 м, размеры: 3,6 × 1,65 м. Высота потолка — 1,1 м. В заполнении камеры встречались обработанные фрагменты дерева, которые располагались преимущественно по периметру камеры. На дне прослежена растительная подстилка и под ней в центре камеры — древесные угли и следы прокала. В северной части камеры находились три половинки козьих копытцев и еще одна половинка лежала у входа (рис.10, 1).

Погребение 28 (ямное, впущено в первичную насыпь кургана 11 А). Располагалось в 27,5 м к югу от «0». Погребальное сооружение — яма, частично разрушена бульдозером. Ширина ямы — 0,86 м, ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Глубина дна ямы от «0» — 7,4 м. Скелет лежал головой на северо-восток, под головой находилась растительная подстилка и охра (рис.8, 6).

Погребение 29 (ямное, впущено во вторую насыпь кургана 11А). Находилось в 25,5 м к юго — юго-востоку от «0». Могильное сооружение — яма с заплечиками. Уступ находился на глубине 7,0 м от «0». Могильная яма имела размеры: 1,8 × 1,1 м при глубине от уступа 1,0 м, от «0» — 8,0 м. Могильная яма была перекрыта плахами до 0,1 м толщиной вдоль длинной оси ямы. В дне, по периметру ямы, располагались ямки от вертикальных столбов — всего 7 штук, глубиной от 0,05 м до 0,24 м. На дне, на растительной подстилке, лежал скелет взрослого человека. Голова и ступни ног густо посыпаны охрой. Вещей нет (рис.8, 3).

Погребение 30 (ямное, впущено с уровня седьмой насыпи). Располагалось в 18,2 м к северо-востоку от «0». Погребальное сооружение — яма с заплечиками. Перекрытие, состоявшее из плах, лежало поперек ямы. Могильная яма размерами 1,8 × 1,3 м. Глубина от заплечиков — 0,9 м; 7,90 м — от «0». На дне, на древесной подстилке, лежал скелет мужчины (40-45 лет). У берцовой кости правой ноги — створка раковины *Unio*. На дне ямы — слабые следы охры (рис.8, 7).

Погребение 31 (катакомбное, впущено с поверхности). Находилось в 17,5 м к юго-востоку от «0». Сохранилась придонная часть камеры. Камера размерами 2,7 × 1,95 м, глубиной дна 7,95 м от «0». На дне, на древесной подстилке, лежал скелет. У головы — рассыпавшийся сосуд и древесный тлен, видимо, от деревянного сосуда. Под восточной стенкой лежал песчаниковый терочник размерами 12,5 × 7,3 × 6,5 см (рис.8, 8; 6, 5).

Погребение 32 (ямное, впущено с уровня 7-ой насыпи). Находилось в 21 м к северо-востоку от «0». Погребальное сооружение разрушено норами грызунов. У плеча скелета — большое пятно сажи размером 0,4 × 0,4 м и охры. Глубина залегания скелета — 8,10 м от «0» (рис.9, 1).

Погребение 33 (срубное, впущено с поверх-

ности). Располагалось в 32 м к югу от «0». Могильная яма размерами 1,3 × 1,0 м, глубиной дна 6,95 м от «0». На дне лежал скелет подростка. Вещей нет (рис.9, 2).

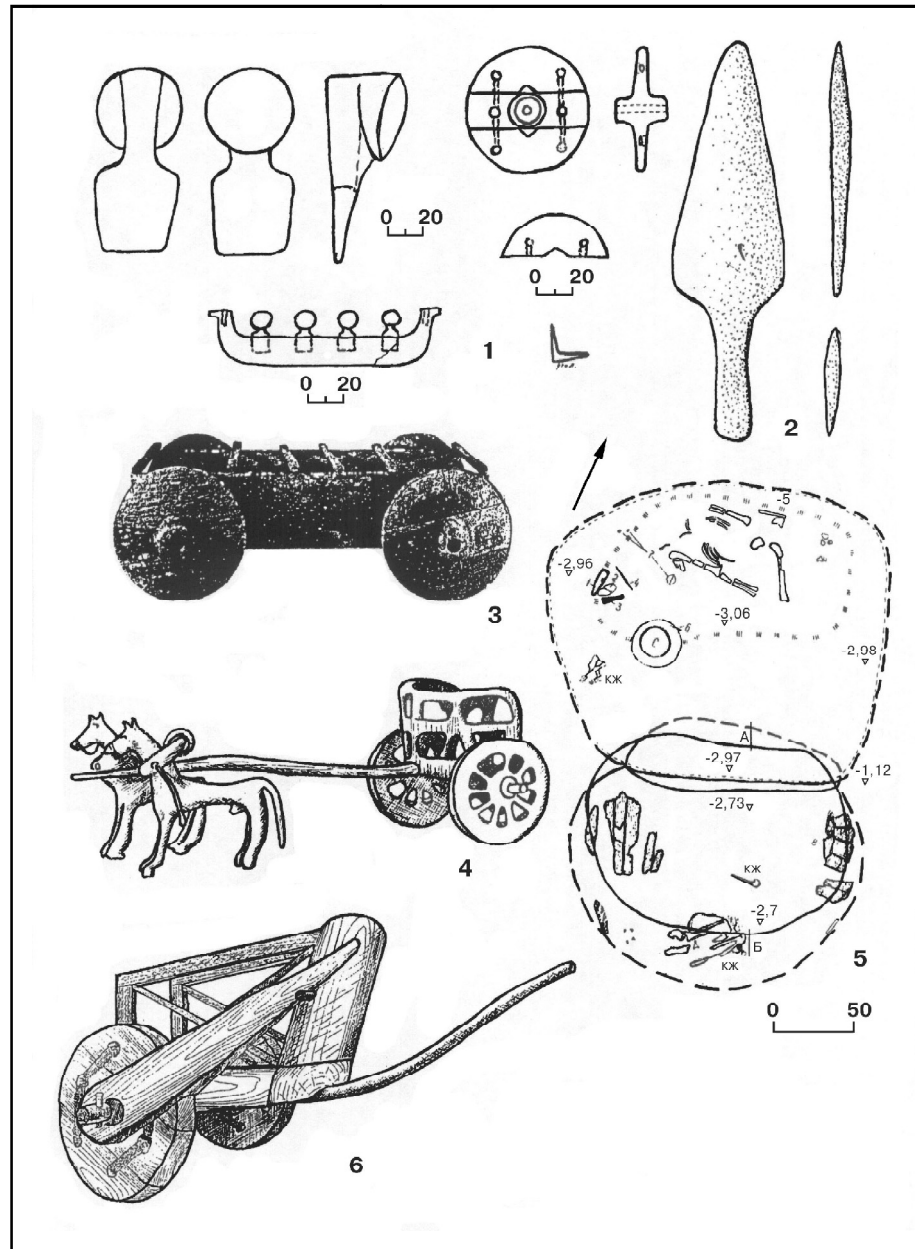
Особенно обращает на себя внимание исключительная бедность инвентарем ямных могил. Однако ряд захоронений выделяется своими размерами и мощными насыпями. Особенно велико ямное погребение №23. Такая же ситуация фиксируется во всех ямных и ямнокатакомбных курганах Правобережья Днепра в районе Запорожья. Некоторые могилы отличаются лишь большими трудозатратами. То же самое можно сказать и о катакомбах восточного обряда (преддонецких). На их фоне находка двухкамерной катакомбы с ТС выглядит исключительным событием.

На основе найденных остатков, а также по аналогиям был восстановлен внешний вид ТС из п.27 Тягуновой Могилы (Чередниченко, Пустовалов 1991) (рис.10, 4, 5). Был сделан обоснованный вывод о боевом назначении данного ТС. На это указывали смещенная к задней стенке ось, ее значительное выступание по сторонам кузова, наклонный овальный передок, изогнутое дышло, находка стрекала.

Подобная одноосная повозка была обнаружена в катакомбном погребении на Криворожье (Район окисленных отвалов, к.2, п.23) (Крылова 1970). К сожалению, отчет Л.П.Крыловой, раскопавшей этот уникальный комплекс, пропал из архива ИА НАНУ в 80-е гг. Автор выражает глубокую благодарность О.Г.Шапошниковой за предоставленные ею из личного архива копии чертежей погребения, повозки, находок, раскопанных на Криворожье. В виду уникальности данного погребения целесообразно привести его описание и чертежи (рис.10, 6, 7; 11, 1, 2).

Погребение находилось в 9 м к западу от «0». Входная яма прямоугольной в плане формы со скругленными углами 2,5 × 2 м, ориентирована по линии СВ — ЮЗ. В заполнении входной ямы — глина, бесформенные каменные глыбы из известняка и железистого кварцита различных размеров: от 0,5 × 0,3 × 0,1 м до 0,2 × 0,1 м. Расположение камней беспорядочное. На глубине — 3,15 м от «0» в заполнении встречались кости животных. На глубине — 3,6 м в западном углу ямы — кострище (зола, угольки, кальцинированные кости животных). При дальнейшей зачистке на этом уровне выявлена ступенька, идущая по диагонали входной ямы из северного угла к южному. Высота ступеньки 0,5 м. В северном углу, на дне ямы, найдены две лопатки крупных животных со снятым гребнем и заостренным широким краем. На расстоянии 1,1 м от северо-восточной стенки, на дне ямы, появилось округлое углубление, уходящее, понижаясь, к стенке, и заполненное поставленными на ребро плитами. На дне углубления — фрагменты стенки реповидного сосу-

Рис. 11. 1 — детали повозки п. 23, к. 2 ЮГОК, р-н Окисленных отвалов; 2 — металл из п. 23, к. 2 ЮГОК; 3 — повозка из катакомбного погребения у хут. Кудинов (по М. Гимбутас, 1970); 4 — бронзовая модель колесницы из Гохеби-Руставского карьера (по О. Лордкипанидзе, 1989); 5 — Ижевка, к. 1, п. 5 (по Р. А. Литвиненко, 1995); 6 — реконструкция боевой колесницы катакомбного времени с тормозом (реконструкция С. Ж. Пустовалова).

да, использованного как курильница. Входное отверстие в камеру имело вид узкой горизонтальной щели шириной 1,1 м и высотой 0,5 м, длиной 0,7 м. Погребальная камера прямоугольной в плане формы с четко выделенными углами, горизонтальным потолком. Размеры камеры: 5 × 3,1 м. Дно — на глубине 3,6 м. Такие размеры камера приобрела в связи с оползанием стенок. Первоначальные размеры камеры: 3 × 2,8 м, высота свода — 2,6 м.

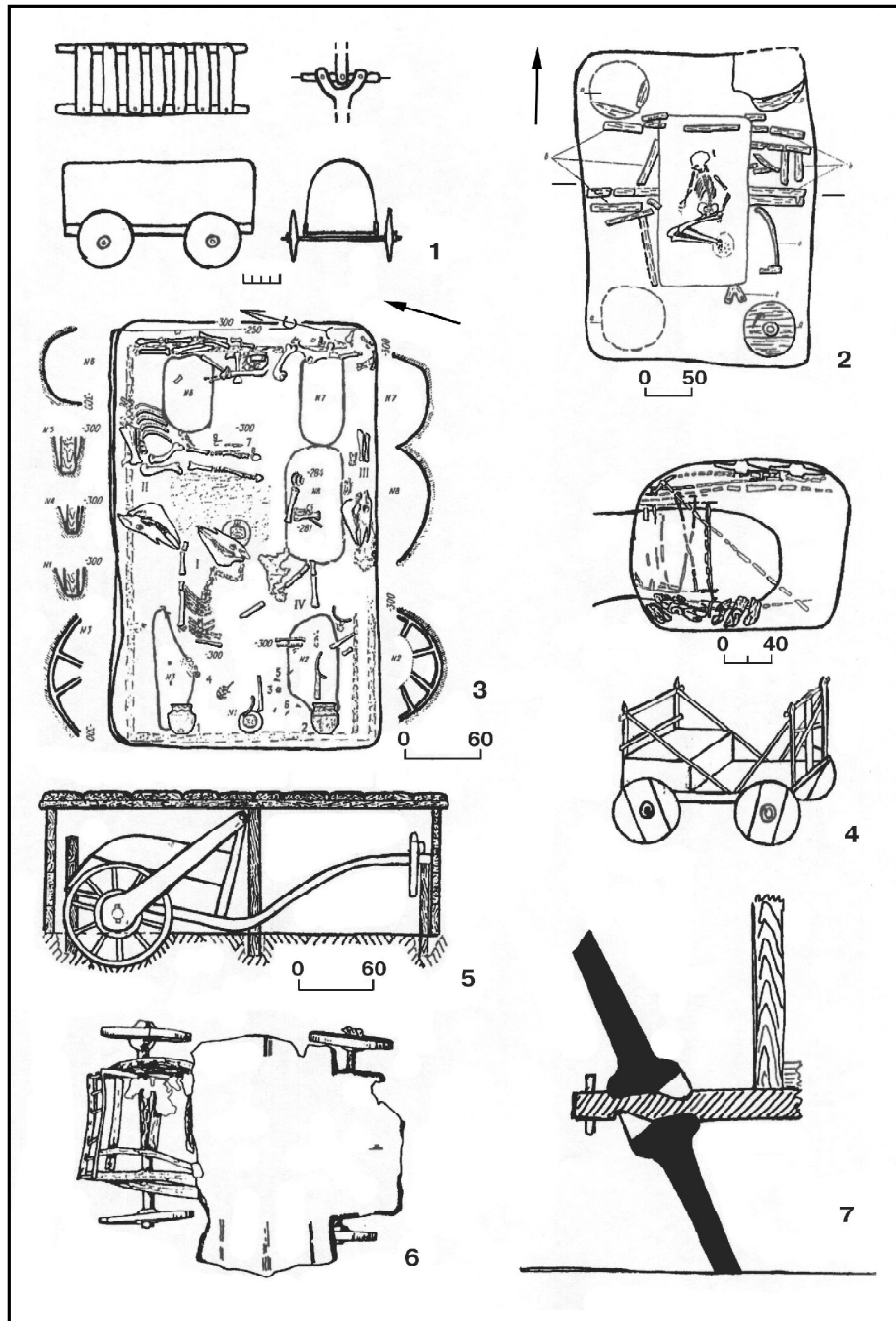
На дне камеры, в центре, находились части деревянной двухколесной повозки, помещенной в разобранном виде. Оба колеса находились в северо-восточном углу камеры. В центре все части повозки были покрыты плетеной рогожей от верхней обтяжки повозки, на которой сохранился геометрический узор, нанесенный красной, белой и черной краской и представляющий

трехцветную зигзагообразную полосу. У задней стенки камеры находилась передняя стенка повозки, украшенная четырьмя полусферами на ножках, вставляющимися в пазы на передке. Здесь же располагалась и задняя стенка повозки, лежавшая вдоль задней стенки камеры. Между ними находились остатки ярма.

У юго-западного угла стоял горшок с выпуклыми боками и небольшим горлом, несколько более удлиненных пропорций, чем обычные горшки катакомбной культуры. Высота горшка — 28 см, наибольший диаметр — 25 см.

По центру повозки, под плетеной, сохранились фрагменты костей скелета взрослого человека, по расположению которых можно судить о первоначальном положении погребенного в повозке человека. Погребенный находился в полусидячем положении, опираясь о

Рис. 12. 1-2 — п.1, к. «Лукьяновка» (по А.А.Мельнику и И.Л.Сердюковой 1988); 3, 5 — план погребения и реконструкция колесницы из Синташты (по: Генинг, Зданович, Генинг 1992); 4 — план погребения и реконструкция повозки из Видножино (по: Черных 1991); 6 — план погребальной повозки из Прикубанья (по: Гей, 1999); 7 — схема истиня втулки ступицы и оси колеса транспортного средства.

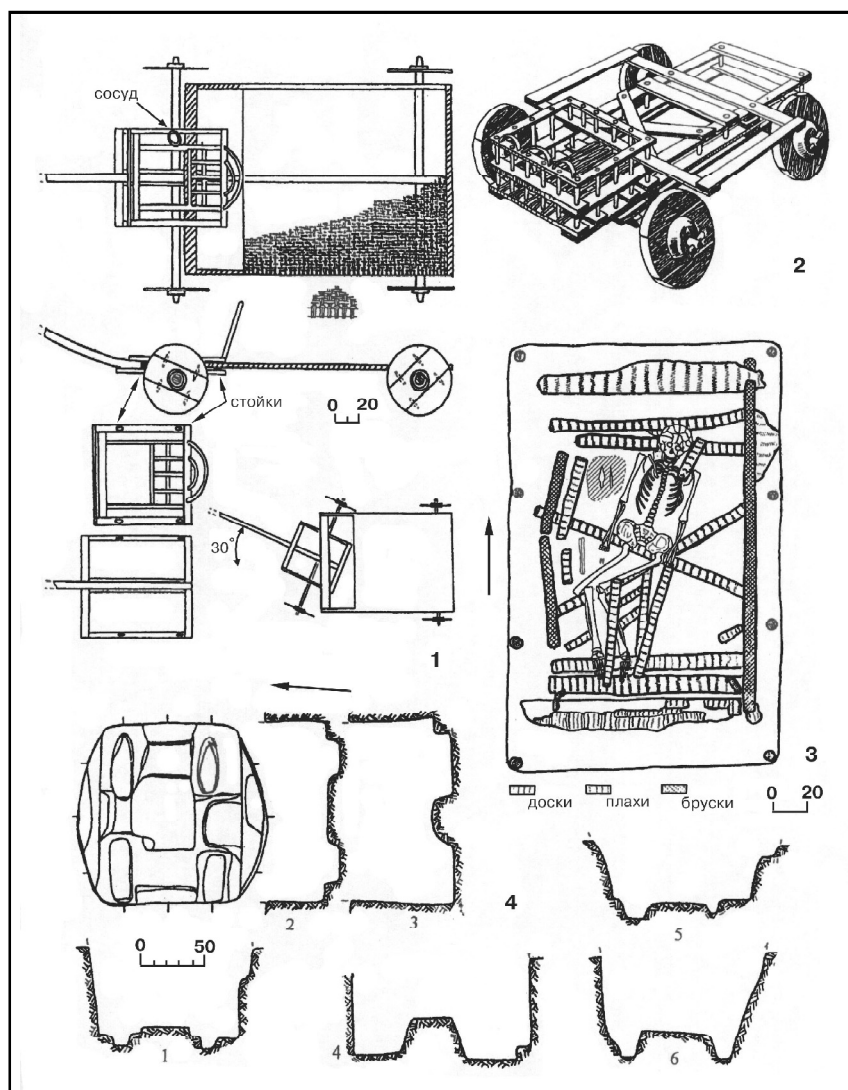

боковую стенку повозки и упираясь согнутыми в коленях ногами в противоположную стенку, то есть находился в повозке по диагонали, располагаясь головой на юг. При расчистке скелета обнаружено два бронзовых шила и бронзовый нож. Одно шило лежало рядом с горшком, другое (вероятно, стрекало) — вместе с ножом лежало у кисти левой руки. В области черепа и грудной клетки обнаружено две серебряные в 1,5 оборота подвески и около 300 мелких бусинок из ракушек (диаметром около 1 мм). На дне повозки, выложенном корой дерева, и на костях скелета сохранились фрагменты ткани, округлые ячейки которой четко прослеживаются

в виде сетки с отверстиями около 0,5 мм.

Сохранившиеся детали конструкции повозки позволяют реконструировать ее как двухколесную кибитку, передвигающуюся двумя волами (?), запряженными с помощью ярма. Время, а главное, новый материал и новые подходы к исследованию ТС побуждают более осторожно подходить к реконструкции повозки из погребения 23, к. 2., сделанной для своего времени прекрасно. Осталось неясным, какое же дно было у кузова повозки: сплошное или решетчатое. Тяжелое ярмо, найденное в камере, вряд ли могло применяться для боевой колесницы. Вместе с тем, бычья запряжка, логичная

Рис. 13. Погребальный катафалк из погр. у с. Боровковка (по И. Ф. Ковалевой, 1999); 2 — реконструкция повозки, к. 1, п. 150 могильник Останний (по А. Н. Гею, 1993); 3 — к. 3, п. 14 у с. Широкое (по Л. П. Крыловой, 1971); 4 — к. 1, п. 25 у с. Раздольное (Шалфейное) (по С. Г. Колтухову, А. Е. Кислomu, Г. Н. Тощеву, 1994).

для тяжелых четырехколесных повозок типа той, что была найдена у хутора Кудинова (рис. 11, 3), в данном случае выглядит неуместной. Зачем, спрашивается, впрягать быков в такую легкую одноосную повозку? Можно было бы вполне обойтись более изящными эквидами. Учитывая, что ТС было найдено в камере Криворожского погребения в разобранном виде, нет гарантии, что все найденные детали принадлежали одной и той же повозке. Одноосность свойственна, скорее, боевым колесницам. Таким образом, в погребении, повидимому, находились детали несовместимые в одной конструкции.

Неоднозначно можно интерпретировать и наличие в кузове ТС из Кривого Рога остатков тканей и плетенок. По мнению Л. П. Крыловой, это были остатки крытого верха повозки. Но с равной степенью вероятности они могут быть и покрывами, которыми был укрыт умерший уже в могиле.

Более легкое одноосное ТС было обнаружено в к. 1, погр. 5 у с. Ижевка на Донетчине (Лит-

виненко 1995) (рис. 11, 5). Р. А. Литвиненко пишет: «В заполнении входной шахты, с высоты 1,35 м от уровня дна, встречены фрагменты деревянных плах и досок шириной 0,05 м и толщиной 0,02 м. Возможно, эту величину (1,35 м) можно условно считать высотой повозки, стоявшей во входной шахте катакомбы» (Литвиненко 1995: 275). Под противоположными стенками шахты находились два сплошных деревянных колеса. Реконструируя ширину ТС, Р. А. Литвиненко берет за основу максимальное расстояние между крайними точками колес, как они находились в шахте (1,6 — 1,7 м). Однако на плане хорошо видно, что колеса, особенно одно, были наклонены, и длину оси следовало бы исчислять, беря за точки отсчета середины проекций колес. Тогда ширина ТС была бы значительно меньше — 1,4 м. Таким образом, база колес из Ижевского погребения ближе базе колес колесницы из Тягуновой Могилы. В отличие от колесницы из Тягуновой Могилы, Ижевская имела, видимо, решетчатый кузов, в том числе и дно. Что касается функции костей че-

репа и конечностей быка, то прямой связи с ТС здесь может и не быть. По индоевропейской шкале ценности домашних животных — это всего лишь определенный уровень жертвы. Здесь тоже наблюдается противоречие между легким, вероятно, боевым ТС и упряжным животным для тяжелой повозки.

В отличие от колесницы из Тягуновой Могилы, кузов ТС из Ижевки практически не прослежен. Это не позволяет более уверенно судить о ее конструкции и, в конечном счете, — о назначении. Однако одноосность и ширина базы колес сближают ее с колесницей из Тягуновой Могилы. Боевой характер одноосных ТС из Тягуновой Могилы и Ижевки вытекает из анализа боевых колесниц более позднего времени. Ряд аналогий был приведен уже ранее (Чередниченко, Пустовалов 1991). Среди них следует выделить модель боевой колесницы из Гохеби-Руставского карьера (Лордкипанидзе 1989). Решетчатые борта с жесткими треугольными конструкциями придавали таким ТС значительную прочность и долговечность (рис. 11, 4). В отличие от рассмотренных выше ТС Гохеби-Руставская колесница имеет уже колеса со спицами.

Близкие по типу и аналогичные по назначению (боевому) ТС были исследованы и реконструированы в Синташте (Генинг, Зданович, Генинг 1992: 154, 166, 184, 205, 215) (рис.12, 3, 5). Фактически, в полевых условиях были зафиксированы только колеса. Внешний вид синташтинских колесниц восстановлен по косвенным, но весьма выразительным данным и по аналогиям. Реконструкции этих колесниц сделаны очень тщательно и достоверно. Думается все же, что борта их также были решетчатыми, а не сплошными. Об этом свидетельствует вся иконография Ближнего Востока (Горелик 1985) и необходимость легкости боевой колесницы.

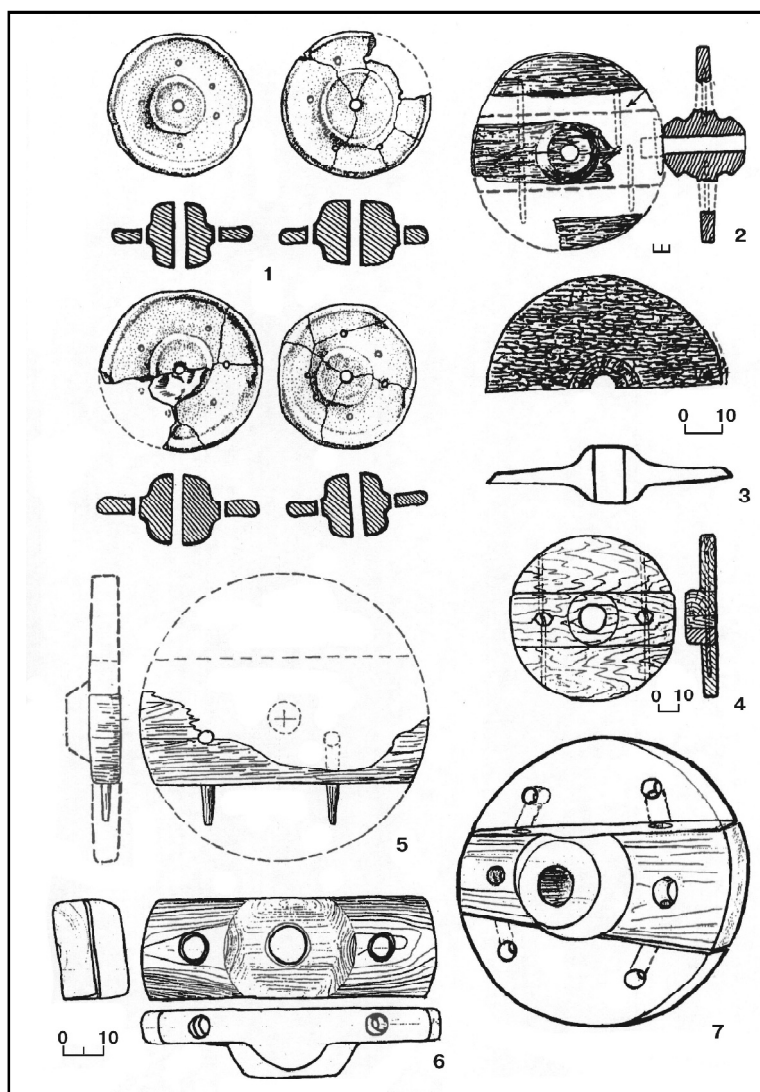
Вероятно, остатками четырехколесной повозки является сооружение, зафиксированное С.Г.Колтуховым, А.Е.Кислым и Г.Н.Тощевым в п.25 к.1 у с. Раздольное (Шалфейное) (1994). Здесь так же, как и в Синташте, колеса были утоплены в дно камеры ямного погребения (рис.13, 4). Обращает на себя внимание массивная деталь в реконструкциях колесниц из Синташты (рис. 12, 5). По мнению авторов публикации, здесь крепилась добавочная стойка для закрепления оружия. Авторы публикации Синташты обратили внимание на то, что ось колесницы проходит асимметрично относительно кузова. Справа она выступала больше. Это и явилось основанием для реконструкции такой детали. Аналогичная асимметрия отмечена и для колесницы из Тягуновой Могилы. Однако представляется, что назначение реконструируемой детали было иным. Такая мощная стойка не нужна для крепления оружия (Пустовалов 1998 а). Колесница — весьма маневренный вид боевого транспорта. Он предполагает не только быстроту, но крутые и резкие развороты, ос-

тановки и т.д. Все это не сделать без тормоза! Поэтому более вероятно, что такая деталь служила тормозом. Для торможения необходимо, чтобы с внутренней стороны детали имелся выступ на ширину обода колеса, а оси вращения колеса и рычага тормоза не совпадали. Лучше всего, чтобы ось рычага тормоза была сдвинута вперед и вниз на несколько сантиметров по отношению к оси колеса. Чтобы затормозить, достаточно потянуть рычаг на себя и вверх, при этом выступ прижмет обод колеса (рис. 11, 6).

Другой тип ТС, находимый в погребениях катакомбной и особенно ямной общностей, представляет собой тяжелые четырехколесные повозки. Типичным примером такой повозки является найденное хорошо сохранившимся ТС из Кудиновского погребения (рис.11, 3). К числу положительных примеров реконструкций ТС такого типа следует отнести повозку из погребения 1 кургана «Лукьяновка», выполненную А.Д.Мельником и И.Л.Сердюковой (1988: 122). Хорошая сохранность, четкая фиксация, привлечение ряда документированных аналогий позволили авторам создать обоснованную реконструкцию (рис. 12, 1). Правда, вывод о том, что «данная повозка создавалась заведомо не для хозяйственного использования, ее функция исчерпывалась участием в погребальном ритуале» (Мельник, Сердюкова 1988: 123), несколько категоричен. Ход дышла по вертикали в пределах более 30 градусов (по подсчетам авторов) вполне мог обеспечить эффективную эксплуатацию повозки в быту.

К сожалению, не все реконструкции достаточно аргументированы. Так, Л.А.Черных предложила свой вариант внешнего вида повозки из катакомбного погребения в окрестностях г. Каменка-Днепровская (1991) (рис.12, 4). В реконструкции данный автор предусматривает сидение примерно в половину длины повозки. Условия находки (отдельные части повозки помещены в шахту катакомбы, ближе ко входу в камеру) не позволяют реконструировать какое-либо сидение. С тем, что повозка не имела всех деталей, согласен и сам автор реконструкции (Черных 1991: 146). Действительно, среди материалов Малой Азии (Горелик 1985: 195) и Северного Кавказа (Избицер 1993: 19) имеются экземпляры экипажей с сидениями. Однако к данному случаю они не имеют никакого отношения. О повозке из Каменско-Днепровского погребения уверенно можно сказать лишь то, что она была четырехколесная и имела решетчатые борта. Каков был у нее кузов и было ли сидение по зафиксированным остаткам сказать нельзя. В приведенном рисунке очень опасным на разлом местом является соединение наклонных реек с нижним несущим брусом. При движении такой повозки именно здесь должны были бы постоянно происходить поломки. Слабость реконструкции Л.А.Черных отмечалась и другими авторами (Гей 1999: 82).

Рис. 14. 1 — модельки колес, к. 9, п. 6 у с. Ильичево (по В.Н.Корпусовой, С.Н.Ляшко, 1999); 2 — колесо из погр. у с. Болотное (по В.Н. Корпусовой, С.Н. Ляшко, 1990); 3 — колесо из р. Днепр у о. Хортица (по С.Н.Ляшко, 1999); 4 — колесо из п.6, к.4 (Долгая могила) (И.Ф.Ковалева, А.В.Андросов, В.Н.Шалобудов, Г.И.Шахров, 1987); 5 — п. 3, к. 6 у с.Заможное; 6 — п. 6, к. 15 у с. Заможное.

В 1991 г. А.Н.Гей опубликовал обобщенную реконструкцию сложной повозки из могильника Останний (Гей 1991) (рис.12, 6; 13, 2). Сложная конструкция кузова, масса мелких деталей на первый взгляд впечатляют. Рисунок-реконструкция был даже приведен в 1 томе «Древней истории Украины» (1997: 333, рис. 119) (рис. 13, 2). Однако при более тщательном рассмотрении эта реконструкция вызывает ряд вопросов как чисто технического, так и функционального порядка. Любое ТС, начиная от саней и волокуш до современных автомобилей, отличается конструктивный лаконизм при соблюдении максимальной прочности конструкции, точное соответствие конструкции назначению ТС. Данная повозка имеет избыточное количество деталей, существенно снижающих ее прочность и устойчивость. Во-первых, двойная рама из брусьев, соединенных между собой с помощью шипов, лишена конструктивной жесткости. Если еще верхняя часть рамы имеет крестовидно уложенные брусья, обеспечивающие горизонтальную жесткость этой части рамы, то в

нижней части рамы они отсутствуют. Соединение же верхней и нижней частей рамы на высоких штифтах вообще не жестко и при движении должно было бы приводить к быстрому износу и расшатыванию всей конструкции. Рама должна была быть одна.

Во-вторых, поверх двойной рамы в средней части повозки А.Н. Геем показана прямоугольная конструкция из досок или брусьев, далеко выступающая в стороны за края рамы и базы колес. Даже современные автомобили не делают с кузовом шире, чем величина расстояния между колесами. Это грозит резким снижением устойчивости автомобиля. Тем более это опасно для более легкой повозки. При смещении груза или даже при перемещении человека в кузове от борта к борту, а А.Н.Гей предполагает жилой характер такой повозки (1999: 83-85, рис. 1), такая повозка легко могла бы перевернуться.

В-третьих, выделение специального места для возницы, огражденное вертикальными стойками, резко уменьшает полезную площадь повозки. Тем более, что это место отделено от

остального кузова бортиком. Другими словами, попасть туда из кузова сложно. Этнография дает нам совершенно иные варианты решения места возницы в жилых повозках. Это либо доска, положенная поперек кузова, либо более комфортабельное сидение с тентом или навесом над ним. Как видим, это еще одна несообразность в реконструкции данной повозки.

Кроме этого, можно отметить и небрежность в оформлении отдельных узлов соединения повозки. Они поданы здесь «внахлест», в то время как обычно такие узлы делались «в шип». Это было намного прочнее. Так что же перед нами: реальный экипаж, исследовательская небрежность или ошибка?

Объяснять несовершенство конструкции упущениями древних «инженеров» вряд ли допустимо. Технические дефекты стали бы очевидны уже при испытании первой модели и в дальнейшем были бы легко устранены. В данном случае такая конструкция устойчиво повторяется в ряде могил (Гей 1999: рис. 1). Видимо, А.Н.Гей не разобрался во взаимосвязи тех остатков, которые постоянно встречались в ямных погребениях. Руководствуясь только опубликованными данными и не имея возможности во всех деталях ознакомиться с полевыми чертежами данных комплексов, можно сделать следующие предположения.

Во-первых, перед нами не жилая, а временная, можно даже сказать, разовая повозка. В ней четко выделяются две части: 1) ось с колесами и кузовом для возницы; 2) три рамы с другой осью, причем рамы положены крест-накрест. Первая часть (место возницы) идентифицируется с боевой одноосной колесницей. А вторая — с дополнительной парой колес и рамой — с ложем для покойника. Количество рам, видимо, связано с числом погребенных в могиле. Во всяком случае, А.Н.Гей прямо связывает появление подобных повозок с тройными погребениями (Гей 1999: 85). Поэтому можно предположить, что количество рам связано с числом погребенных в камере. Отсюда можно сделать следующий вывод: рамы не были жестко связаны с остальной конструкцией, и число их могло меняться.

Обратимся к еще одной реконструкции. В 1991 г. в катакомбном погребении 17 к.1 у с. Боровковка на Днепропетровщине экспедицией Днепропетровского государственного университета была найдена повозка (Ковалева 1999: 97 — 104) (рис. 13, 1). Приведем ее описание. «Под восточной стенкой были размещены: кузов повозки, в котором произведено захоронение, ее передняя часть (передок), снятые с осей четыре колеса, положенные плашмя попарно — переднее с задним, дышло и другие детали повозки. Задняя ось занимала первоначальное положение параллельно торцу кузова, передняя — лежала под деталями передка на уровне колес (рис. 13, 1). Кузов имел четкую прямо-

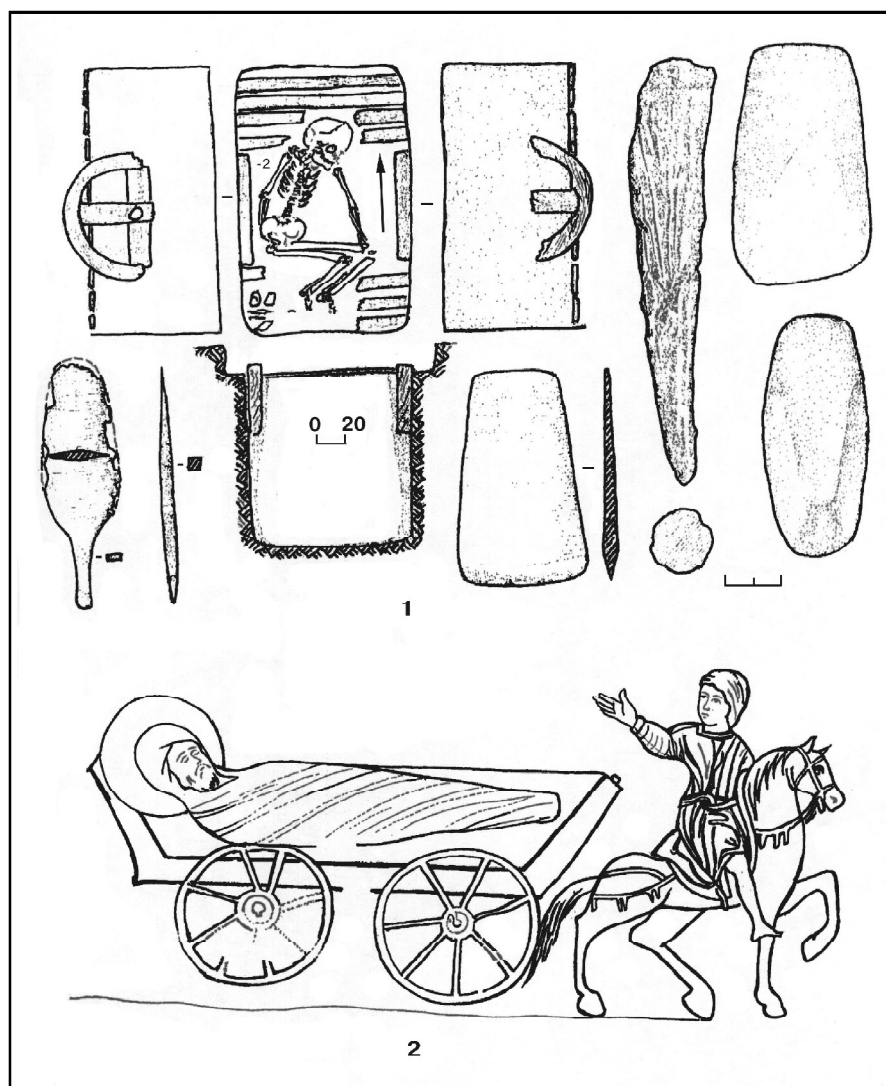
угольную форму, определяемую рамой из прямоугольных в сечении брусьев толщиной 2,5-3 см и шириной до 5 см, соединенных между собой в углах посредством пазов. Поскольку дополнительные элементы крепления, как штыри или откосины, отсутствовали, можно предположить, что рама могла дополнительно связываться в углах ремнями или веревками, обеспечивавшими не только прочность, но и известную свободу скольжения, предупреждавшую поломку рамы. Длина кузова определяется из максимальной длины продольных брусьев — 2,3 м, ширина — 1,55 м, что дает отношение длины к ширине, превышающее 1/2. К брусьям посредством оплетки двойной самозатягивающейся петлей крепилось днище, сплетенное из ошкуренных прутьев ивняка в виде плотной циновки прямого плетения, верх которой лежал на покрытии из кожи грубой выделки, по размерам соответствующее кузову повозки. Состояние материала не позволяет проследить способ соединения кожаной полости и брусьев, но, исходя из удобств пользования повозкой, она должна была быть съемной. Отсутствие деревянных деталей типа угловых шестов, балясин и пр. исключает возможность использования найденной полости в качестве покрытия кибитки или балдахина» (Ковалева 1999: 99-101).

Реконструируя описанную повозку, И.Ф. Ковалева справедливо сближает ее с новотиторовскими повозками. Однако, в отличие от А.Н.Гей, она считает, что основной кузов был съемный, наподобие носилок, а сама повозка была исключительно погребальными дрогами (Ковалева 1999: 103).

В связи с этим И.Ф.Ковалевой обращается особое внимание на так называемые носилки, нередко находимые в камерах ямных и катакомбных могил. И.Ф.Ковалева считает, что это съемные кузова таких погребальных повозок. В качестве примера можно привести такой кузов из погребения 14, кургана 3 у села Широкое на р. Ингулец в Днепропетровской области (Крилова 1971) (рис. 13, 3). Здесь погребенный лежал, как и в Криворожском погребении, в самом кузове, который был без колес. По своей конструкции этот кузов очень близок средней раме новотиторовской повозки.

Сравнение новотиторовской и боровковской повозок с одноосными боевыми колесницами катакомбной и более поздних культур позволяет сделать и другой вывод: эти погребальные дроги изготавливались из боевых одноосных колесниц и специальных съемных носилок или рам с дополнительной парой колес. Параметры передков и в новотиторовской, и в Боровковской повозках очень близки конструкции одноосных колесниц: небольшой кузов, далеко выступающая за пределы кузова ось, а в кузове Боровковской повозки у передка еще и заovalенная передняя стенка (рис.13, 1). То, что боевая колесница в Боровковском погребении

Рис. 15. 1 — к. 1, п. 8 у с.Заречное (по: Михайлов 1995); 2 — копия с миниатюры Сильвестровского списка. Убитый князь Борис везется на коле (по: Анучин, 1890).

развернута передком назад, лишь подчеркивает ее ритуальное использование в данном случае. Мотивировка разворота боевой колесницы передком назад может быть аналогичной той, которой объясняют, например, в славянской погребальной практике вынос покойника ногами вперед (Зеленин 1991: 350). Покойник не должен найти дорогу назад (рис.15, 2).

Смысловая нагрузка таких погребальных дрог может быть понята из ритуала похорон с отдаением высших воинских почестей в средневековых и современных армиях многих стран. С орудийного лафета снимается ствол орудия; к лафету подсоединяется передок орудия и на импровизированный катафалк ставится гроб с умершим. Очевидно, идея подобного погребального катафалка возникает еще в катакомбную эпоху, естественно с использованием наиболее дорогостоящего на то время вооружения — боевой колесницы, которая со временем была замещена более мощным наступательным оружием — орудием.

Такой взгляд на новотиторовские повозки

снимает противоречия в их реконструкции. Передок повозки превращается в боевую колесницу, а сложная рама — в несколько (по числу умерших) съемных носилок с дополнительной парой колес.

Такую же одноразовую погребальную повозку представляет и экипаж из Кривого Рога (Крылова 1970). В похоронном ритуале скорость не нужна, поэтому в боевую колесницу можно было впрячь волов. Этим объясняется присутствие яма для волов в данном погребении. Кости черепа быка в Ижевском погребении, видимо, также подчеркивают ритуальное, погребальное, использование боевой колесницы.

Что касается идеи А.Н.Гея, что катакомба представляет собой повозку, с ней можно было бы согласиться, если бы катакомбы не были известны в халафской культуре (Мерперт, Мунчаев 1982: 28-49), носителям которой не было еще известно колесо. То же можно сказать и в отношении средиземноморских катакомб. Население, их оставившее, было, скорее всего, мореплавателями. Таким образом, идея А.Н.Гея

носит частный характер и касается лишь некоторых восточнокатакомбных памятников.

Интерпретируя погребальную обрядность населения Предкавказья, А.Н.Гей обращается к архаичным письменным индоевропейским традициям, использует хетские параллели: «Вероятная параллель предлагаемой схеме, которую в дальнейшем для краткости мы будем называть «схемой трех постелей» или просто «три постели», возможно, отражена в одной из архаичных письменных индоевропейских традиций, а именно в «Ригведе», где явно имеющие символическое значение термины «трехместные», «трехчастные» и «трехколесные» применены к колесницам (Ригведа 1972, I, 118, 2), что маловразумительно с точки зрения конструкции колесниц и не противоречит предположению о возможности переноса на позднейшие виды транспорта более древних эпитетов (первоначально соотносимых с жилыми повозками — обителями арийских божеств)» (Гей 1999: 85). В другом месте он пишет: «Поэтому совершенно оправданным для объяснения таких многоповозочных и многоколесных захоронений является привлечение данных из круга древнеиндоевропейских, в частности, хетских материалов...» (Гей 1999: 102).

Нужно отметить, что несколько раньше в этой же работе А.Н.Гей резко осуждает подобные методы интерпретации: «В последние 10-15 лет оформилось особое “мифотворческое” направление, пытающееся объяснить сущность древних обрядов через фольклорные, мифологические и этнографические материалы позднейших эпох. Учитывая возможную иранскую или индоиранскую принадлежность древнего населения причерноморско-каспийских степей, основной упор делается на зафиксированные письменной традицией и сравнительно хорошо изученные религиозно-мифологические системы населения Иранского нагорья и Индостана, на Авесту и ведическую литературу прежде всего». А.Н. Гей пишет, что «очевиден и исключительно поверхностный характер такого аналогизирования», считает этот метод «методически ущербным» (Гей 1999: 79). Налицо резкое противоречие между приведенными утверждениями. Критика «мифотворческого» метода распадается из-за своей несостоятельности.

Таким образом, сам А.Н.Гей доказывает, что иного метода познания сущности древних ритуалов без обращения к фольклорным, мифологическим и этнографическим материалам позднейших эпох не существует. Этими методами исследования успешно пользовались и Б.А.Рыбаков, и Е.М.Мелетинский, и Вяч.Вс.Иванов, и многие другие исследователи древнего мировоззрения.

Возвращаясь к проблеме реконструкции ТС, можно предположить, что Криворожская повозка тоже является гибридом различных по-

назначению элементов: боевой колесницы, остатков погребального ложа, которым позднее был укрыт погребенный, и ярма для запряжки быков. Из сказанного вытекает и еще один вывод: погребенные по такому ритуалу люди были, очевидно, удостоены высших воинских почестей. Следовательно, это — воины.

Рассмотрим теперь проблему реконструкции колес ТС эпохи ранней бронзы. Как пишет С.Н.Ляшко, «конструкция колеса на протяжении энеолита — ранней бронзы в своей основе не меняется» (Ляшко 1994: 142). С этим утверждением можно согласиться, но с одной оговоркой. В Северном Причерноморье в эпоху бронзы длительное время сосуществовали различные этносы, транспорт которых имел свои конструктивные особенности, сохранявшиеся длительное время. Колеса простейших типов достаточно хорошо описаны в литературе (Ляшко 1994: 141 — 142). Это сплошные дисковидные, вырезанные из одного куска дерева, трехсоставные на штифтах или двухсоставные на штифтах (рис. 14, 2). Половина колеса, опубликованная О.Н.Ляшко (1999), имеющая одно отверстие у обода (рис. 14, 3), очевидно, не является двухсоставным, оно сделано из цельного куска дерева. Отверстие служило, очевидно, для стяжки треснувшего колеса. Если бы оно было двухсоставное, то таких отверстий было бы два с каждой из сторон половины колеса.

Колеса ингульской культуры качественно резко отличаются от ямно-катакомбных колес. В настоящее время обнаружена целая серия таких колес (Ковалева и др. 1987: 18; Пустовалов 1996, 1999 а). Все эти колеса трехчастные с двойным соединением (штифтом и ремнем или веревкой) частей колеса, имевшего для этого, кроме осевого, еще шесть дополнительных отверстий (рис. 14, 4, 5, 6, 7). Модельки колес этого типа были встречены в одном из каменных погребений в Восточном Крыму (Корпусова, Ляшко 1999) (рис. 14, 1). Все они имеют по 6 отверстий (кроме осевого). Авторы публикации считают, что дополнительные отверстия служили для фиксации кожаной шины на ободу колеса (Корпусова, Ляшко 1999: 43). Думается, что это все же не так. Гипсовая отливка средней части колеса из погребения 6, кургана 15 у с. Заможное (Пустовалов 1996: 266), колесо из п.3, к.6 у с. Заможное и древневосточные аналогии убеждают в том, что эти отверстия служили для крепления частей колеса друг с другом.

На колесе из погребения у с. Болотное (Корпусова, Ляшко 1990) (рис.14,2) и на колесе из Днепра у острова Хортица (Ляшко 1999) авторы отмечают скошенность обода на 15 градусов. Они интерпретируют это явление как следствие перевозки тяжелых грузов (Корпусова, Ляшко 1990). Не отрицая этой возможности, можно предложить и другое объяснение данному явлению. При длительном использовании ТС втулка ступицы колеса и ось взаимно

подвергались трению и стирались. При этом, как правило, растачивались внешние края отверстия ступицы и, соответственно, стачивалась на конус ось колеса. С.Н.Ляшко отмечала, что ступица колеса погр. 28, кург. 14 у с. Болотное сверлилась с двух сторон (1994: 142). Другими словами, внешний диаметр отверстия был больше, чем внутренний. Это могло быть следствием не сверления, а истирания при эксплуатации ТС. Истирания оси и втулки в итоге складывались и приводили к тому, что само колесо не стояло вертикально, а находилось под углом (рис. 12, 7).

Исследуя конструкцию ТС в погребениях ранней и средней бронзы степной части Восточной Европы, нельзя обойти молчанием и вопрос о том, насколько ТС, находимые в погребениях, соответствовали экипажам, использовавшимся в быту этого населения. Казалось бы, наличие боевых, грузовых и ритуальных ТС убеждает нас в том, что, по крайней мере, значительная их часть применялась в повседневной жизни. Изобретение же колес на спицах относится уже к синташтинскому времени. Однако Б.Д.Михайлов опубликовал ямное погребение (к. 1, п. 8 у с. Заречное Мелитопольского района Запорожской области) (Михайлов 1995), где вместе с ценным металлическим инвентарем (бронзовые тесло и нож с вилкой-стержнем) находились остатки двух четырехспицевых колес (рис. 15, 1).

Датирует Б.Д. Михайлов эту находку по данным радиоуглеродного анализа 2110 г. до н.э. (Михайлов: 178). Очевидно, датировка некалиброванная. Находка четырехспицевого колеса конца III тыс. до н.э. ставит под сомнение тезис об использовании в реальной жизни найденных в катакомбах ТС. Можно предположить, что в погребения ставились устаревшие, уже вышедшие из употребления экипажи. В повседневной же жизни употреблялись более совершенные, имевшие колеса со спицами.

В приведенном чертеже колес несколько странно отсутствие ступиц. Без них колеса вряд ли могли быть достаточно прочными и долговечными. Это вынуждает относиться к данной находке осторожно и не делать окончательных выводов о степени распространенности колес такого типа в эпоху ранней бронзы.

Существуют различные сводки остатков транспортных средств, происходящих из погребений ямной и катакомбной КИО. Для территории Украины С.В.Иванова и В.В.Цимиданов приводят 48 ямных погребений с повозками (Иванова, Цимиданов 1993: 27 — 28), С.Н.Ляшко — 33 ямных и 23 катакомбных (Ляшко 1994), Е.Б.Избицер — около 50 катакомбных и 55-56 ямных (1993). Поэтому для территории Украины не наблюдается преобладание повозок в ямных могилах, как это говорится в статье, подписанной А.Б.Николовой и Л.А.Черных (1997). Даже в абсолютных числах имеется пример-

ное равновесие. Однако абсолютные цифры нельзя сравнивать между собой. Для того, чтобы решить, где же больше ТС — в ямных или катакомбных захоронениях — надо знать, каков процент погребений с экипажами по отношению к общему числу погребений обеих КИО. Так, по данным новостроечного отдела Института археологии НАНУ за 70-е, 80-е гг. ямные погребения составляли 25,8%, а катакомбные — 21,5% (Пустовалов 1995). То есть катакомбных могил на 4,3 % меньше, чем ямных. Таким образом ТС встречаются практически поровну в ямных и катакомбных могилах на территории Украины.

Что касается социального значения ТС в погребальном обряде степных народов эпохи бронзы, то взгляды специалистов на эту проблему долгое время были однозначны и разделялись только в 90-е гг. Е.Е.Кузьмина (1974), И.Ф.Ковалева (1983, 1987), В.М.Массон (1998), Н.Н.Чередниченко (1991), В.В.Генинг (1990), С.Ж.Пустовалов (1991а, 1998), С.В.Иванова и В.В.Цимиданов (1993), С.Н.Ляшко и В.Н.Корпусова (1999) считают ТС одним из важнейших показателей принадлежности к высшему социальному слою степных обществ эпохи бронзы. Другая группа археологов не видит в погребениях с повозками каких-либо проявлений высокого социального статуса умерших и похороненных по этому ритуалу людей (Трифонов 1983; Гей 1991; Избицер 1993).

Е.В.Избицер пришла к безапелляционным, но не вызывающим доверия выводам (1993). Она пишет: «Однако, как показал анализ, инвентарь погребений с повозками не отличает данные погребения от однокультурных одновременных погребений, также как и показатель труда, затраченного на сооружение погребения» (Избицер 1993: 19). Для столь ответственного вывода необходимо было проделать реконструкцию социальной структуры каждой из взятых этно-культурных групп, либо соотнести погребения с повозками с уже существующими разработками. Ничего подобного в работе Е.В.Избицер нет, а попытки сравнить инвентарь могил с ТС с неким идеальным набором инвентаря для каждой из этно-культурных групп лишь демонстрирует незнание автором принципов социологических реконструкций по археологическим данным.

В последнее время А.Н.Гей меняет свою позицию в отношении социального статуса погребенных с ТС. Он пишет: «... в катакомбных культурах/обществах Предкавказья общая ситуация, фиксируемая на погребальных памятниках раннего бронзового века — “рядовые захоронения с повозками и без, социально-неординарные с двумя повозками”, как бы трансформируется в формулу “рядовые захоронения с символической повозкой или повозкой-катакомбой”, социально-неординарные с двумя — символической и реальной» (Гей 1999: 102).

Интересно отметить, что скептически относятся к ТС как к показателю высокого социального статуса умершего те археологи, которые исследовали Прикубанские памятники. Действительно, количество найденных здесь в погребениях ямной и так называемой новотиторской культур повозок достаточно велико (118). Объяснение данного явления состоит в том, что Прикубанское ямное общество имело по сравнению с другими степными социумами более высокий уровень благосостояния. Не может быть погребение с двумя повозками социально значимым, а с одной — нет. Просто уровень значимости погребений с двумя повозками выше, чем уровень значимости погребенных с одной. Погребения с двумя повозками (2%) — это погребения вождей, правителей и т.д., а погребения с одной повозкой — это окружение вождей, знать, составлявшая значительный процент от общего числа населения.

Скопление находок ТС как одного из важнейших показателей высшего слоя степных обществ Восточной Европы на отдельных территориях может маркировать социальные центры крупных этно-потестарных объединений. Так, для ямной КИО количество повозок в Молдавии и на западе Одесской области Украины более чем вдвое превышает количество таких же погребений в Херсонской и Николаевской областях. Для ингульской культуры на р. Молочной обнаружено более полутора десятков могил с остатками ТС, в то время как в остальных районах ингульского ареала они почти не встречаются. Как показал специальный анализ, на Молочной находился социальный центр крупного этно-социального организма, ведущей силой которого были носители ингульской культуры (Пустовалов, 1990 а, 1991, 1992, 1994, 1995 а, 1996 а, 1997, 1999).

Конечно, трудно сопоставлять между собой общества с разным уровнем благосостояния. Северокавказские памятники ранней бронзы выглядят бедными по сравнению с Аладжа-Гуюком, а северопричерноморские — по сравнению с северокавказскими. Но одним из универсальных критериев такого сравнения является повозка, колесница — любое ТС. Представляется, что везде, где имеются скопления повозок и колесниц, можно предполагать наличие некоторого социального или этносоциального центра. Сказанное относится и к Прикубанью, где обнаружено 118 ямных погребений с повозками. Так называемая новотиторская культура, при выделении которой использован ряд сугубо социальных показателей, является скорее субкультурой знати Северокавказского ямного общества. Не случайно на окружающих территориях (Ставрополье и Нижний Дон) ТС ямной культуры почти не встречены. Относительно сильный потестарный центр выделяется в северо-западном Причерноморье. Развитие же Поднепровского ямного потестарного

центра было рано прервано появлением катакомбного населения. Очевидно, что могущество Северокавказского центра и тех, что существовали на территории Украины, несоизмеримы.

При анализе распределения погребений с ТС ямной и катакомбной КИО по территориям устанавливается одна интересная закономерность. Там, где много ямных ТС, нет или очень мало катакомбных ТС. Наоборот, там, где много катакомбных экипажей, нет или почти нет ямных. Так, в Прикубанье 118 повозок ямных или новотиторских и лишь 2 катакомбных. Зато на Ставрополье — 8 катакомбных и ни одной ямной. Та же картина и в северо-западном Прикаспии: 19 катакомбных и 1 ямная. На Нижнем Дону из 12 погребений с повозками 10 катакомбных (Избицер 1993: 5-14). То есть ямные и катакомбные центры не совпадают географически. Такое распределение свидетельствует о длительном сосуществовании ямной и катакомбной общностей в северопричерноморских степях. Е.В.Избицер прошла мимо этого факта, не обратила на него внимания.

Е.В.Избицер не видит оснований для интерпретации погребения из Тягуновой Могилы как захоронения человека высокого социального ранга. Она пишет: «С захоронением вождя связывают погребение Марьевка, 11/27, учитывая двухкамерность погребального сооружения и реконструируя остатки повозки в качестве боевой колесницы (Чередниченко, Пустовалов 1991). Однако для предложенной авторами реконструкции нет достаточных оснований, а выделение многокамерности в качестве признака знатности погребенного представляется преувеличенным» (Избицер 1993: 17).

Кроме значительных трудовых затрат (кубатура погребения в 11 раз превышает рядовое погребение указанного типа), в могиле обнаружено стрекало — символ, характерный для высшего слоя общества катакомбной эпохи в Причерноморье; основного погребенного сопровождал убитый подросток. Как уже отмечалось, голова его, снятая с посткраниального скелета, находилась перед входом в камеру, причем поставлена она была на нижнюю челюсть. Нахождение головы подростка в мягких слоях затека из шахты и ее положение исключают возможность случайного перемещения этого черепа. Голова подростка выполняла роль охранника основного умершего. Данная функция хорошо прослеживается именно в многокамерных погребениях катакомбной общности (Пустовалов 1990 б).

Наконец, над погребением прослежена мощная досыпка, обычно не характерная для рядовых катакомбных погребений (Пустовалов 1991 а; 1992). Таким образом, высокий социальный статус погребенного из Тягуновой Могилы подтверждается системой признаков: огромным объемом погребения, наличием стрекала из бронзы, человеческим жертвоприношением,

досыпкой над могилой, особым обрядом (наличие кострищ в шахте и 2-й камере), колесницей. Достоверность реконструкции обусловлена, с одной стороны, как достаточной сохранностью самого экипажа, так и многочисленными аналогиями. Иное дело, что стандарт и критерий знатности в Северном Причерноморье и на Кавказе были разными. Уровень благосостояния этих двух обществ не совпадал. Но, видимо, Е.В.Избицер с такими аксиомами социологических реконструкций не знакома.

Противоположную точку зрения на погребение с колесницей из Тягуновой Могилы высказывает В.М.Массон: «В одном из курганов с повозкой основным погребенным был мужчина 35-40 лет, которого сопровождали два взрослых захоронения: женщины среднего возраста и мужчины, тело которого было расчленено. Около повозки лежал скелет ребенка 7-8 лет. Пока трудно говорить о наличии в данном случае человеческих жертвоприношений, но неординарность основного лица, помещенного в эту гробницу, несомненна» (Массон 1998: 260).

Подводя итоги проведенного анализа, необходимо отметить, что ТС составляют одну из характернейших черт ямно-катакомбной эпохи. Как показывают специальные исследования, ямные и катакомбные группы населения длительное время сосуществовали между собой (Пустовалов 1990а, 1995а, 1997, 1999; Смирнов 1996; Ковпаненко, Фоменко 1986; Ковалева 1982; Марина 1990, 1982, Пустовалов 2000). Поэтому вывод Е.В.Избицер о перерыве в использовании ТС в погребальном обряде между раннекатакомбным и позднекатакомбным временем (Избицер 1993: 19) является ошибочным. Не случайно В.М.Массон, определяя основные черты катакомбной эпохи, среди трех наиболее ярких признаков называет ТС: «Можно назвать три характерные черты культур катакомбного времени. Во-первых, происходит бурное развитие местной металлургии и металлообработки... Вторая особенность — это развитие технологии производства разнообразных повозок (Ляшко 1990), так как степные условия вели к необходимости совершенствования колесных экипажей... Наконец, третья обстоятельство связано с развитием военной функции и все более отчетливым обособлением элитарного слоя...» (Массон 1998: 260).

Время использования ТС в погребальном обряде ограничивается ямно-катакомбной эпохой без каких-либо существенных перерывов во времени и затухает в начальный период поздней бронзы (Синташта, Доно-волжская абашевская культура и т. д.). Если расцвет использования ТС относится к ямно-катакомбной эпохе, то появление колесных экипажей, традиционно относившееся к раннеявному времени, может быть несколько удревнено.

А.Г.Корвин-Пиотровский и Т.Г.Мовша опубликовали ряд моделей колес, найденных на по-

селениях трипольской культуры. Они датируют их финалом трипольско-кукутенской общности, но не исключают появление колеса в триполье и в более раннее время (Корвин-Пиотровский, Мовша 1999: 76). Правда, наличие моделей колес еще не гарантирует использование колеса в быту, что также отмечают названные авторы.

В деле реконструкций ТС необходимо более тщательно прорабатывать техническую сторону реконструкций, руководствуясь при этом основными критериями конструирования транспортных средств. Очень полезно в этой связи и обращение к специалистам — автомобилестроителям, как это, например, сделали В.Н.Корпусова и С.Н.Ляшко (1990). Такой подход позволяет четко отделять ТС, употреблявшиеся в быту, от ТС, сделанных для выполнения погребальной церемонии, т. е. от тех, которые имели сугубо культовую функцию.

В целом найденные в погребениях экипажи показывают, что в ямно-катакомбную эпоху в погребениях представлены самые различные по назначению ТС («условно грузовые», боевые, погребальные ритуальные катафалки, составленные из боевых колесниц и дополнительной оси с платформой — ложем для покойника). Сложнее обстоит дело с бытовыми повозками. Возможно, что к ним можно отнести экипаж из кургана Лукьяновка.

Иными словами, в ямно-катакомбное время уже фиксируется дифференциация ТС по назначению. Это предполагает наличие значительного периода предшествующего развития либо появление колесных экипажей в результате заимствования.

Намеренное искажение первоначальной конструкции ТС, использующихся в погребальном обряде, запрягание в повозку быков вместо лошадей, которое наблюдается в ямно-катакомбную эпоху, сохранилось у украинцев, особенно в Карпатах, словаков, венгров. Д.Н.Анучин в своем хрестоматийном исследовании писал: «У малороссов, также и у австрийских русских, а равно, местами, у словаков, и даже у венгерцев, предпочитают возить покойников волами (иногда возят исключительно на них), а не на лошадях. Если же везут волами на возе или санках, то ярмо должно быть обращено в противоположную сторону, чтобы отвергнуть смерть от господаря волов и домашних сродников» (Анучин 1890: 136). Волы при этом брались самой древней южнорусской породы крупного рогатого скота — белые.

В социальном плане наличие в погребении колесного экипажа было и остается наиболее ярким признаком высокого социального положения погребенного. Попытки опровергнуть это положение бездоказательны. Как показали в своих работах Е.Е.Кузьмина (1974, 1977), Т.В.Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов (1984), в социальном и ритуально-мифологическом пла-

не ТС занимают очень высокое положение, являясь либо предметом специального поклонения, либо атрибутом высших божеств индоевропейского пантеона.

При всех различиях в уровне благосостояния разных обществ эпохи бронзы колесные экипажи были и остаются надежным критерием для выявления социальных центров обществ эпохи бронзы. Не могут поколебать это утверждение и 120 прикубанских находок ТС. Они лишь подчеркивают особое значение этого центра ямной общности. Отличия в позе умершего, наличие обильных жертвоприношений и просторных могил может быть одним из первых в степи проявлений субкультуры знати. Угасание традиции помещения в погребение

ТС приходится на эпоху поздней бронзы и связано с общей деградацией социальных отношений в срубном обществе.

Колесница исчезает из погребальной практики и остается лишь в сакральной сфере в виде изображений на сосудах (Чередниченко 1976), уступая в реальном мире место формированию новой грозной военной силы — всадничеству, известному как способ передвижения к тому времени уже давно (Телегин 1973), но получившему новый толчок к развитию, очевидно, в эпоху поздней бронзы. Именно этим можно объяснить как исчезновение колесниц из погребений, так и появление в раннем железном веке захоронений с верховыми конями. Так закончилась эпоха колесниц, началась эпоха кавалерии.

ЛИТЕРАТУРА

- Анучин Д.Н. 1890. Сани, лады и кони, как принадлежность похоронного обряда // Древности. Труды Московского Археологического Общества. Т. XIV. М. С.81-226.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. 1984., Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси. Т. 2.
- Гей А.Н. 1991. Новотиторская культура (предварительная характеристика) // СА. №1. С.54-71.
- Гей А.Н. 1999. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М. С. 78-113.
- Генинг В.В. 1990. О социальной структуре ямного населения Нижнего Поднепровья // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. Херсон. С.44-46.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. 1992. Синташта. Челябинск. 407 с.
- Горелик М.В. 1985. Боевые колесницы Переднего Востока III — II тыс. до н.э. // Древняя Анатолия. М. С. 183 — 202.
- Давня історія України. 1997. Том 1.
- Зеленин Д.К. 1991. Восточнославянская этнография. М. — 604 с.
- Иванова. С.В., Цимиданов В.В. 1993. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культуры-исторической общности. // Археологический альманах. Донецк, №2. С. 23-34.
- Избицер Е.В. 1993. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III — II тыс. до. н.э. — Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб. — 24 с.
- Ковалева И.Ф. 1982. Катакомбные погребения Орель-Самарского междуречья // Древности Степного Поднепровья (III тыс. — I тыс. до н.э.). — Днепропетровск. С. 36-45.
- Ковалева. И.Ф. 1983. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов (По материалам культур бронзового века Левобережной Украины). Днепропетровск. — 108 с.
- Ковалева И.Ф. 1987. История населения пограничья Лесостепи и Степи Левобережного Поднепровья в позднем энеолите — бронзовом веке. — Автореф. дисс. докт. ист. наук. Киев. — 34 с.
- Ковалева И.Ф. 1999. О новом типе деревянных катакомбных повозок // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ. С. 97-104.
- Ковалева И.Ф. Андросов А.В., Шалобудов В.Н., Шахров Г.Л. 1987. Исследование курганов группы «Долгой Могилы» у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск. С.5-27.
- Ковпаненко Г.Т., Фоменко В.Н. 1986. Поховання доби енеоліту — ранньої бронзи на правобережжі Південного Бугу // Археологія. №55. С.10-25.
- Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. 1994. Курганные древности Крыма. Запорожье. — 122 с.
- Корвін-Піотровський О.Г., Мовша Т.Г. 1999. Колесний транспорт трипільсько-кукутенської спільності // Культурологічні студії. Вип. 2. К. С.70-78.
- Корпусова В.Н., Ляшко С.Н. 1990. Катакомбное погребение с пшеницей в Крыму // СА, №3. С. 166-175.
- Корпусова В.Н., Ляшко С.Н. 1999. Погребение эпохи бронзы с глиняными модельками колес у с. Ильичево в Крыму // Старожитності Північного Причорномор'я та Криму. — Запоріжжя. — Вип. VII. С. 42- 48.
- Крылова Л.П. Отчет о раскопках в 1969 — 1970 гг. — НА ИА НАНУ. Ф.Э. 1969-1970/106.
- Крылова Л.П. 1971. Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964 — 1966 рр. // Наш край. Вип. 1. Дніпропетровськ. С. 18—31.
- Кузьмина Е.Е. 1974. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. №4. С.68-87.
- Кузьмина Е.Е. 1977. Распространение коневодства и культ коня у ирано-язычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Литвиненко Р.А. 1995. Катакомбное погребение с двухколесной повозкой из правобережной Донетчины // Хозяйство древнего населения Украины. Часть 2. К. С. 274 — 282.
- Лордкипанидзе О. 1989. Наследие древней Грузии. Тбилиси.
- Ляшко С.Н. 1994. Деревообрабатывающее производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита — бронзы на Украине. К. С. 133 — 151.
- Ляшко С.Н. 1999. О находке в р. Днепр деревянного колеса эпохи бронзы // Stratum plus, №2. С. 167-168.

- Марина З.П. 1982. О погребениях так называемого ямно-катакомбного типа // Древности Степного Поднепровья (III — I тыс. до н.э.). Днепропетровск. С. 46-50.
- Марина З.П. 1990. Позднеямные погребения Левобережья Днепра и их соотношение с памятниками катакомбной культуры // Проблемы изучения катакомбной КИО. Тез. докл. сем. Запорожье. С. 45-46.
- Массон В.М. 1998. Эпоха древнейших великих степных обществ // Археологические вести. — СПб. №5. С. 255 — 267.
- Мельник А.А., Сердюкова И.Л. 1988. Реконструкция погребальной повозки ямной культуры // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. К. С. 118—124.
- Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М. 1982. Погребальный обряд халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. М. С. 28 — 49.
- Михайлов Б.Д. 1995. Курганы эпохи бронзы в Северо-Западном Приазовье // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье. Вып. V. С. 169 — 181.
- Ніколова А.В., Черних Л.А. 1997. До однієї з концепцій соціального розвитку носіїв катакомбної культури // Археологія. №1.
- Пустовалов С.Ж. 1990. Об общественном положении катакомбных мастеров-ремесленников // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тез. докл. конф. Луганск. С. 97-99.
- Пустовалов С.Ж. 1990 а. О формах политогенеза в катакомбном обществе Северного Причерноморья // Проблемы изучения катакомбной КИО. Тез. докл. сем. Запорожье. С. 78 — 81.
- Пустовалов С.Ж. 1990 б. Багатокамерні поховання та деякі питання соціальної структури катакомбного суспільства // Археологія. №3. С. 56-67.
- Пустовалов С.Ж. 1991. До реконструкції соціального організму за матеріалами катакомбних пам'яток Північного Причорномор'я. // Поховальний обряд давнього населення України. К. С. 104-122.
- Пустовалов С.Ж. 1991 а. К вопросу о социальной стратификации у носителей катакомбной культуры Северного Причерноморья. К. С. 22-42.
- Пустовалов С.Ж. 1992. Возрастная, половая и социальная характеристика катакомбного населения Северного Причерноморья. К. — 46 с.
- Пустовалов С.Ж. 1992 а. Этническая структура катакомбного населения Северного Причерноморья. К. — 152 с.
- Пустовалов С.Ж. 1995. До реконструкції динаміки чисельності степового населення України за матеріалами курганних могильників // Україна: людина, природа, суспільство. — Тези доп. наук. конф. НА УКМА К. С. 6-7.
- Пустовалов С.Ж. 1995 а. О возможности реконструкции сословно-кастовой системы по археологическим материалам // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье. Вып. V. С. 21 — 32.
- Пустовалов С.Ж. 1996. До розв'язання проблеми появи у Північному Причорномор'ї катакомбної спільності // Культурологічні студії. Вип. 1. К. С. 260-279.
- Пустовалов С.Ж. 1996 а. Соціальна система катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. // Україна: людина, суспільство, природа. Тези доп. II-ої наук. конф. НА УКМА. К. С. 24-25.
- Пустовалов С.Ж. 1997. До питання про формування кастової системи // Україна: людина, суспільство, природа. — Тези доп. III-ої щоріч. конф. НА УКМА. К. С. 13 — 15.
- Пустовалов С.Ж. 1998. К вопросу о ямно-катакомбной эпохе // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. — Тез. докл. VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону. С. 63 — 64.
- Пустовалов С.Ж. 1998 а. Некоторые проблемы изучения колесного, транспорта эпохи бронзы // Проблемы изучения. ККИО и КИОМК. Запорожье. С. 50 — 55.
- Пустовалов С.Ж. 1999. Сословно-кастовая система как модель для реконструкции древних обществ // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Запорожье. С. 215 — 218.
- Пустовалов С.Ж. 1999 а. Моделирование лица по черепу у населения ингульской катакомбной культуры // Stratum plus. №2. С. 222 — 255.
- Пустовалов С.Ж. 2000. Ямная общность — катакомбная общность: последовательная смена во времени или сосуществование? // Проблемы археологии Подніпров'я. — Дніпропетровськ (в печати).
- Рассамакин Ю.Я. 1997. Гл. 1 — 4 розділу 1 частини 2-ої (підрозділи, присвячені скотарям та індоевропейській проблемі) // Давня історія України. Т. 1. К. С. 333.
- Смирнов А.М. 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М. — 175 с.
- Телегін Д.Я. 1973. Середньостогівська культура епохи міді. К.
- Трифонов В.А. 1983. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы (периодизация, культурно-историческая характеристика). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л.
- Чередниченко Н.Н. 1976. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. К. С. 135 — 149.
- Чередниченко Н.Н. и др. 1976. Отчет Верхне-Тарасовской экспедиции о раскопках курганов в 1976 г. // НА ИА НАНУ. Ф.Э. 1976/2.
- Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. 1991. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры // СА. №4. С. 206 — 216.
- Черных Л.А. 1991. Деревянная повозка из катакомбного погребения у г. Каменка-Днепровская // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. К. С. 137-149.
- Gimbutas M. 1970. Proto-Indo-European Culture: The Kurgan Culture during the fifth, fourth and 3 Millennium BC // Indo-Europeans Conference at the University of Pennsylvania. University of Pennsylvania Press. P.160-195.
- Pustovalov S.Z. 1994. Economy and Social Organisation of the Northern Pontic Steppe — Forest — Steppe Pastoral Populations 2750-2000 BC (Catacombe Culture) // Nomadism and Pastoralism in the Circle of Baltic-Pontic Early Agrarian Cultures 5000 — 1650 BC. Baltic — Pontic Studies. V 2. Poznan. P.86-134.